

Содержание

Введение	2
Глава 1. Теоретические основы и методы исследования концептов «свобода» и «воля» в лингвокультурологии	5
1.1 Концепт как базовая единица языковой картины мира: структура и типы.	5
1.2 Методы лингвокультурологического исследования: компонентный, концептуальный и сопоставительный анализ.	11
1.3 Лексикография и фразеология как источники изучения культурных концептов. ...	21
Глава 2. Сопоставительный анализ репрезентации концептов «свобода», «воля» и «自由» в лексике и фразеологии	31
2.1 Лексико-семантический анализ слов «свобода» и «воля» (на материале словарей и корпуса).	31
2.2 Лексико-семантический анализ слова «自由» и его синонимов (на материале словарей и корпуса).	40
2.3 Сравнительный анализ фразеологических и паремиологических единиц, репрезентирующих концепты в русском и китайском языках.	49
2.4 Анализ данных ассоциативного эксперимента: образно-ценностные компоненты концептов.	59
Заключение	67
Библиографический список	71
Приложения	79

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивным развитием российско-китайских отношений в политической, экономической и культурной сферах. Глубокое взаимопонимание между носителями столь различных культур требует выхода за рамки простого языкового перевода и проникновения в глубинные пласты национального сознания, отраженные в языковой картине мира. Ключевые культурные концепты, являясь сгустками коллективного опыта и мировидения, определяют специфику восприятия действительности. В русском языковом сознании уникальным феноменом выступает дуализм концептов «свобода» и «воля», не имеющий прямого аналога в китайской лингвокультуре, где доминирует универсальный концепт «自由» (zìyóu). Сопоставительный анализ этих смысловых образований позволяет не только выявить национально-культурную специфику, но и прогнозировать потенциальные зоны непонимания в межкультурной коммуникации, что определяет практическую значимость работы.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием фундаментальных трудов, посвященных теории концепта и языковой картины мира. Вклад в развитие этих направлений внесли такие отечественные ученые, как Ю.С. Степанов¹, определивший концепт как константу культуры, Н.Д. Арутюнова², исследовавшая логический анализ языка, Д.С. Лихачев³, введший понятие концептосферы, а также З.Д. Попова⁴ и И.А. Стернин, разработавшие методiku когнитивного анализа. Специфика русских концептов «свобода» и «воля» детально проанализирована в работах А. Вежбицкой и А.Д. Шмелева⁵. В китайской лингвистической традиции

---

¹ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001

² Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980

³ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология. М.: Academia, 1997. С. 280-287

⁴ Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001

⁵ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 45-48, 312-315.

также существует интерес к концептосфере, однако систематическое сопоставление данных концептов в русско-китайском аспекте остается малоизученной областью, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Объектом исследования являются концепты «свобода» и «воля» в русской языковой картине мира и коррелирующий с ними концепт «自由» в китайской лингвокультуре.

Предмет исследования составляет семантическое наполнение, структура и способы языковой объективации данных концептов в лексикографии, фразеологии и паремиологии русского и китайского языков.

Цель работы заключается в выявлении сходств и различий в содержании и способах репрезентации концептов «свобода», «воля» и «自由» на основе комплексного лингвокультурологического анализа.

Для достижения поставленной цели формулируются следующие **задачи**:

– Проанализировать и сопоставить дефиниции ключевых лексем в авторитетных толковых словарях русского и китайского языков.

– Выявить и описать фразеологические единицы и паремии, репрезентирующие данные концепты в обеих лингвокультурах.

– Провести ассоциативный эксперимент с носителями русского и китайского языков для выявления периферийных смыслов и коннотаций концептов.

– Систематизировать полученные данные и определить национально-культурную специфику исследуемых концептов.

Эмпирическую базу исследования составили: толковые и этимологические словари русского и китайского языков; сборники фразеологизмов и пословиц; результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с участием 50 респондентов – носителей каждого языка. Такой корпус источников позволяет обеспечить репрезентативность и

достоверность анализа.

Методологическую основу диссертации составляют методы лингвокультурологии и концептологии. В работе применяются: сопоставительный анализ для выявления межъязыковых соответствий и лакун; компонентный анализ словарных дефиниций; концептуальный анализ для реконструкции смыслового наполнения; метод ассоциативного эксперимента для выявления коннотаций; описательный метод для систематизации и интерпретации данных.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении теории концепта и методики кросс-культурных исследований. Результаты могут способствовать развитию лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Практическая значимость определяется возможностью применения материалов и выводов исследования в практике преподавания русского языка как иностранного для китайских студентов, в переводческой деятельности, а также в курсах по межкультурной коммуникации.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений. Во введении обосновываются актуальность, новизна, определяются цель, задачи, объект, предмет, методы и эмпирическая база исследования. Первая глава посвящена теоретическим основам исследования и анализу лексикографических репрезентаций концептов. Во второй главе анализируется воплощение концептов во фразеологии, паремиологии и данных ассоциативного эксперимента. В заключении подводятся итоги работы и формулируются основные выводы.

Глава 1. Теоретические основы и методы исследования концептов «свобода» и «воля» в лингвокультурологии

1.1 Концепт как базовая единица языковой картины мира: структура и типы.

Современная лингвистическая наука, преодолевая узкие рамки структурного подхода, все более уверенно утверждает в антропоцентрической парадигме, где язык изучается не как самодостаточная система, но как неотъемлемая составляющая человеческого сознания, мышления и культуры. В фокусе этого подхода оказывается языковая личность с ее способностью к познанию, категоризации и концептуализации окружающей действительности. Важнейшим результатом этой познавательной деятельности выступает языковая картина мира – исторически сложившаяся в коллективном сознании носителей языка и объективированная в самой структуре языка система представлений о реальности, определенный способ ее восприятия, осмысления и интерпретации. Эта картина мира не является пассивным зеркальным отражением объективной действительности; она представляет собой специфический, уникальный для каждого языкового сообщества фильтр, через который пропускается весь sensory и культурный опыт, что обуславливает национальное своеобразие мировидения.

Фундаментальной, базовой единицей этой сложной, многомерной системы признается концепт. Несмотря на то, что термин «концепт» прочно вошел в научный обиход и стал центральным для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, единого, общепринятого его определения в современной науке не существует. Эта терминологическая многозначность объясняется сложностью и многогранностью самого феномена, а также различием ракурсов его рассмотрения. Анализ многочисленных исследований позволяет вычленить два магистральных, взаимодополняющих

подхода к пониманию сущности концепта: когнитивный и лингвокультурологический.

Когнитивный подход акцентирует роль концепта как единицы мышления, ментальной репрезентации, оперативной содержательной единицы памяти, своеобразного «кванта знания». В рамках этого направления Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁶. Исследовательница подчеркивает, что базисом языка и его категорий служит чувственный опыт человека, позволяющий ему выходить на уровень абстракции и формировать собственные представления о мире. Н.Н. Болдырев развивает эту мысль, характеризуя концепты как «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления». По его мнению, концепты отражают жизненный опыт, знания и результаты деятельности людей, выступая в виде определенных единиц, «квантов» знания.⁷ В процессе коммуникации, передачи информации люди, по сути, обмениваются концептами. З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают развернутое определение, согласно которому концепт есть «дискретное ментальное образование», являющееся основной единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, а также об интерпретации этой информации общественным сознанием.⁸ Таким образом, когнитивный подход фокусируется на процессуальной, динамической стороне концепта, его роли в индивидуальных процессах познания, переработки, хранения и передачи информации.

---

⁶ Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141.

⁷ Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90.

⁸ Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. С. 5.

Лингвокультурологический подход, напротив, смещает акцент на культурную составляющую концепта, рассматривая его в качестве базовой единицы культуры, «сгустка культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов)⁹. В.А. Маслова определяет концепт как «семантическое образование», отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры¹⁰. С этой точки зрения, концепт не возникает напрямую из значения слова, а рождается в акте столкновения словарного значения с личным и народным опытом человека, аккумулируя в себе этническое мировидение и маркируя этническую языковую картину мира. Концепт многомерен и всегда существует на определенном эмоциональном, экспрессивном, оценочном фоне, присущем конкретной культуре. В.И. Карасик, чьи работы получили широкое признание, определяет культурный концепт как «сложное психическое образование, включающее образный, понятийный и ценностный компоненты»¹¹. При этом исследователь подчеркивает доминирующую роль ценностного компонента в лингвокультурологическом анализе, поскольку именно ценность определяет значимость того или иного феномена для культуры. Лингвокультурный подход, таким образом, ориентирован на коллективное сознание, подчеркивая социальную, аксиологическую и этническую природу концепта, его функцию «концентрата» культурных смыслов.

Важно подчеркнуть, что эти два подхода не являются антагонистичными или взаимоисключающими. Как справедливо отмечается в научной литературе, они различаются преимущественно вектором исследования: лингвокогнитивный подход движется от индивидуального сознания к культуре, в то время как лингвокультурологический – от культуры к индивидуальному сознанию. В реальности же мы имеем дело с

---

⁹ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 43.

¹⁰ Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с

¹¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 124-125.

целостным, динамическим процессом взаимовлияния и взаимообогащения индивидуального и коллективного опыта, где концепт выступает ключевым медиатором.

Не менее сложной и дискуссионной, чем определение концепта, представляется проблема его внутренней структуры. Подавляющее большинство исследователей сходится во мнении, что концепт обладает сложной, нежесткой, гетерогенной структурой, организованной по полювому принципу. Центр этого поля образует ядро концепта – совокупность наиболее ярких, существенных, категориальных признаков, часто носящих универсальный, понятийный характер и составляющих его инвариантную основу. Периферийные зоны концепта включают в себя дополнительные, ассоциативные, образные, ценностные и исторические признаки, которые могут варьироваться в зависимости от индивидуального, группового или общественного опыта, обеспечивая тем самым гибкость и динамику концептуального содержания.

Одной из наиболее авторитетных и цитируемых моделей структуры концепта является трехкомпонентная модель, разработанная В.И. Карасиком. Согласно этой модели, структура концепта включает три взаимосвязанных компонента:

1. Понятийный компонент (вербальный): этот компонент фиксирует основные, логически оформленные, категориальные признаки концепта. Именно он находит непосредственное отражение в словарных дефинициях, научных определениях и представляет собой рациональную, дискурсивную основу концепта.

2. Образный компонент (невербальный): данный компонент представляет собой чувственный, перцептивный образ, связанный с концептом – зрительный, слуховой, тактильный, кинестетический и др. Этот компонент, в отличие от понятийного, не вербализуется напрямую, а поддается лишь описанию, интерпретации или художественному воплощению.

3. **Ценностный компонент:** этот компонент выражает культурную значимость, аксиологический статус концепта для его носителей. Он содержит идеологическую, культурно-детерминированную оценку (важный/неважный, хороший/плохой, свой/чужой, желательный/нежелательный) и является ключевым с точки зрения лингвокультурологии, поскольку именно ценности лежат в основе культурных различий.

Другая модель, предложенная Ю.С. Степановым, рассматривает концепт как многослойное образование, своего рода «палимпсест», в котором спрессованы исторические напластования культурных смыслов. Ученый выделяет три основных «слоя»:

1. **Основной, актуальный признак:** этот слой известен всем носителям языка в данную эпоху и актуален для современного употребления. Он составляет ядро концепта в его синхронном срезе.

2. **Дополнительный, пассивный (исторический) признак:** этот слой представляет собой «неактуальные» с современной точки зрения смыслы, которые, однако, сохраняются в культурной памяти, часто будучи закрепленными во фразеологизмах, пословицах, литературных текстах.

3. **Внутренняя форма (этимологический признак):** это первоначальный смысл, исходный образ, давший имя концепту. Этот слой, как правило, не осознается рядовыми носителями языка и открывается лишь исследователям, но он продолжает имплицитно присутствовать, являясь фундаментом, на котором возводятся последующие смысловые наслоения.

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают собственную детализированную модель, согласно которой структура концепта представлена образом, информационным содержанием и интерпретационным полем. Информационное содержание состоит из наиболее существенных когнитивных признаков, а интерпретационное поле, в свою очередь, членится на несколько зон: энциклопедическую (признаки, основанные на опыте и обучении), утилитарную (практическое отношение к денотату),

регулятивную (поведенческие установки), общеоценочную, социально-культурную и паремическую (знания, зафиксированные в пословицах и поговорках)¹².

Что касается типологии концептов, то в научной литературе предлагается множество классификаций, основанных на различных критериях. Так, по степени абстрактности и способу ментальной репрезентации выделяются следующие типы:

Понятие: концепт, актуализирующий логические, категориальные, дискурсивные признаки объекта, его научное или бытовое определение.

Образ: концепт, основанный преимущественно на чувственном, перцептивном, наглядно-чувственном восприятии.

Символ: концепт, несущий в себе глубокий, многозначный культурный смысл, выходящий далеко за рамки его непосредственного значения и функционирующий как знак иной, часто трансцендентной, реальности.

Схема: мысленный образец, контур, очертание предмета или явления, его гештальт.

Фрейм: структура данных для представления стереотипной, стандартной ситуации; организованный пакет знаний, хранящийся в памяти и активируемый в типическом контексте.

Сценарий (скрипт): концепт, описывающий последовательность действий, событий в стандартной, повторяющейся ситуации, своего рода «план» поведения.

По своей культурной значимости и масштабу концепты могут быть разделены на универсальные (общечеловеческие), этнические (национальные), социально-групповые (профессиональные, возрастные и т.д.) и индивидуальные (идиолектные). Особое место в лингвокультурологии занимают так называемые константы культуры (Ю.С. Степанов) – ключевые, наиболее значимые, устойчивые и ценностно-насыщенные концепты,

¹² Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. С. 41-42.

образующие смысловой каркас, «несущие конструкции» той или иной культуры (например, «справедливость», «закон», «душа» для русской культуры)¹³.

Таким образом, концепт, понимаемый как сложное, многомерное, гетерогенное ментальное образование, стоящее за языковым знаком и аккумулирующее в себе коллективный культурный опыт, по праву считается основной единицей языковой картины мира. Его сложная полевая структура, объединяющая понятийные, образные и ценностные компоненты, а также многообразие его типов и форм репрезентации, позволяют концепту выполнять ключевую роль связующего звена между языком, сознанием и культурой, во многом предопределяя национальную специфику мировосприятия и миропонимания. Последующий анализ концептов «свобода» и «воля» в русской лингвокультуре и их сопоставление с китайским концептом «自由» будет опираться на изложенные теоретические положения и структурные модели, что позволит не только описать поверхностные различия в значениях слов, но и вскрыть глубинные, культурно-обусловленные основания этих различий, выявив уникальность каждого из этих концептуальных образований в картине мира двух великих культур.

1.2 Методы лингвокультурологического исследования: компонентный, концептуальный и сопоставительный анализ.

Становление лингвокультурологии как самостоятельной филологической дисциплины сопряжено не только с определением ее объекта и предмета, но и с формированием адекватного методологического аппарата. Будучи областью междисциплинарного синтеза, лингвокультурология интегрирует и трансформирует методы смежных наук – лингвистики, культурологии, психологии, антропологии, семиотики –

¹³ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 40-42.

придавая им специфическую направленность, обусловленную целью выявления и описания взаимосвязей языка и культуры. Среди многообразия исследовательских подходов, применяемых в лингвокультурологических изысканиях, центральное место занимают компонентный, концептуальный и сопоставительный анализ. Эти методы образуют своего рода методологическое ядро, позволяющее системно исследовать культурно-обусловленную семантику языковых единиц, реконструировать фрагменты национальной языковой картины мира и выявлять базовые для той или иной лингвокультуры концепты.

Компонентный анализ, уходящий корнями в структурную лингвистику, в контексте лингвокультурологии претерпевает существенную трансформацию. Если традиционно он был нацелен на выявление минимальных смысловых компонентов (сем) для описания денотативного значения лексической единицы, то лингвокультурологический ракурс смещает фокус на обнаружение и интерпретацию национально-культурного компонента значения. Компонентный анализ в лингвокультурологическом ракурсе смещает фокус с описания денотативного значения на выявление национально-культурного компонента значения. Этот компонент часто носит имплицитный характер и проявляется в коннотациях, ассоциациях и устойчивых связях, отражающих специфику национального опыта. Таким образом компонентный анализ, имеет свою специфику, которую можно представить в виде таблицы.

Таблица 1.

Специфика компонентного анализа в лингвокультурологии

Аспект	Традиционный лингвистический подход	Лингвокультурологический подход
Основной объект	Лексическое значение слова	Культурно-маркированная семантика языкового знака

Аспект	Традиционный лингвистический подход	Лингвокультурологический подход
Ключевая процедура	Выявление семного состава (денотативных сем)	Выявление национально-культурного компонента значения и культурной коннотации
Цель анализа	Описание семантической структуры слова	Реконструкция культурных смыслов, закодированных в языке
Основной материал	Отдельные лексемы	Фразеологизмы, поговорки, афоризмы (единицы с вторичной номинацией)

Наиболее рельефно национально-культурная семантика проявляется в сложных знаках, обладающих вторичной номинацией, – фразеологизмах, поговорках, афоризмах. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, категорией, связывающей фразеологизм с пространством культуры, является культурная коннотация, представляющая собой интерпретацию денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях данной культуры¹⁴. Следовательно, ключевой задачей компонентного анализа в лингвокультурологии становится декодирование образного основания устойчивого выражения и его последующая интерпретация в широком историко-культурном и этнопсихологическом контексте.

Процедура лингвокультурологического компонентного анализа предполагает несколько взаимосвязанных этапов. Первоначально идентифицируются эксплицитные культурно-маркированные компоненты фразеологической единицы. Например, в поговорке «Весна красна цветами, а осень — снопами» таким компонентом выступает лексема «сноп», которая для носителя традиционной аграрной культуры несет не только указание на результат жатвы, но и целый комплекс значений, связанных с достатком,

¹⁴ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

завершением цикла трудового года, символом жизнеобеспечения. Этот компонент является культурным знаком, обращенным к коллективному опыту.

Однако далеко не все культурные смыслы лежат на поверхности. Значительное число идиом требует глубокого ретроспективного анализа, обращенного к истории материальной и духовной культуры, к утраченным или архаичным реалиям. Так, фразеологизм «точить лясы» (вести легкий, пустой разговор) восходит к слову «балясы» – точеные фигурные столбики перил, изготовление которых требовало от мастера большого искусства, но со стороны могло восприниматься как неторопливое, «несерьезное» занятие. Идиома «зарубить на носу» хранит память о «носе» как личной памятной дощечке для записей у неграмотных людей. Выражение «тертый калач» отсылает к специфическому сорту хлеба, тесто для которого долго мяли и «терли», что делало его особенно качественным, а метафорически – обозначало человека, прошедшего суровую школу жизни. В каждом из этих случаев компонентный анализ позволяет вычленив ключевой образ и, реконструировав его культурно-исторический генезис, вскрыть глубинные пласты национально-специфического смысла.

Таким образом, компонентный анализ служит действенным инструментом для демонстрации того, как культурные коды (соматический, предметный, антропный, пищевой и пр.) запечатлеваются в семантике языковых единиц, превращая язык в живую память культуры, в которой закодирован исторический опыт, мировоззренческие установки и система ценностей этноса.

Концептуальный анализ по праву считается стержневым методом современной лингвокультурологии, поскольку ее центральным объектом является концепт – многомерное ментальное образование, кристаллизующее в себе культурно значимые смыслы и репрезентируемое в языке совокупностью разноуровневых средств. Концепт понимается как единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная

этнокультурной спецификой. Задача концептуального анализа – комплексная реконструкция содержания такого концепта через всю полноту его языковых манифестаций.

Методика концептуального анализа отличается комплексным характером и включает ряд последовательных и взаимодополняющих процедур, образующих единый исследовательский цикл.

Таблица 2.
Основные этапы и процедуры концептуального анализа

Этап анализа	Процедуры и методы	Получаемые данные
Семантическая реконструкция	Анализ словарных дефиниций, выявление семного состава ключевой лексемы, диахронический анализ (этимология)	Понятийное ядро концепта, его исходные образные основания
Анализ поля концепта	Исследование лексико-семантического поля (синонимы, антонимы), ассоциативно-семантического поля, сочетаемости	Понятийные и оценочные характеристики, ядро и периферия концепта
Паремиологический и фразеологический анализ	Выявление и интерпретация фразеологизмов, пословиц, поговорок, речевых клише, связанных с концептом	Исторически сложившиеся культурные установки и поведенческие императивы
Экспериментальные методики	Ассоциативные эксперименты, направленные опросы, проективные методики	Образная составляющая концепта, актуализированные культурные коды (соматический, зооморфный, растительный и др.)

Исходным пунктом часто служит семантическая реконструкция

ключевой лексемы, репрезентирующей концепт. Она начинается с выявления семного состава на основе данных различных толковых словарей, что позволяет установить инвариантное понятийное ядро. Существенную роль играет диахронный анализ – обращение к этимологии, которое помогает вскрыть исходные, часто образные основания концепта. Например, этимологический анализ слова «скромный» (производного от «кромь» – кромка, рубеж, граница) указывает на первоначальную связь с значением «ограниченный», «находящийся в определенных рамках», что задает важный акцент в его последующем культурном осмыслении как добродетели, связанной с самоограничением и отсутствием претензий.

Следующим ключевым этапом является анализ лексико-семантического и ассоциативно-семантического поля концепта. Исследование синонимических рядов, антонимических оппозиций, типовой сочетаемости ключевой лексемы позволяет выявить понятийные и оценочные характеристики, определить ядро и периферию концепта. Так, ассоциативные эксперименты со стимулом «скромный» демонстрируют его сложную, амбивалентную природу в русском языковом сознании: наряду с положительными ассоциациями («приличный», «воспитанный») фиксируются негативные или сниженные («зажатый», «ограниченный», «слабый», «скучный», «серый», «бедный»). Анализ сочетаемости («скромная зарплата», «скромные потребности», «скромные достижения») выявляет сему 'небольшой, незначительный', что также вносит вклад в его противоречивое восприятие.

Важнейшим источником информации служит анализ фразеологического и паремиологического фонда. Устойчивые выражения и пословицы аккумулируют в себе исторически сложившиеся культурные установки и оценки. Для концепта «скромность» в русской лингвокультуре активных паремий немного (наиболее частотна – «Скромность украшает»), однако чрезвычайно значимыми оказываются речевые клише, отражающие социальные поведенческие императивы: «Что, тебе больше всех надо?», «Не

высовывайся!», «Инициатива наказуема». Эти формулы, уходящие корнями в советский социальный опыт, продолжают, тем не менее, более древнюю традицию, выраженную в поговорках типа «Кто живет тихо, тот не увидит лиха», и отражают установку на осмотрительность, нежелание привлекать к себе излишнее внимание как стратегию выживания.

Для реконструкции образной составляющей концепта активно привлекаются данные экспериментальных методик: ассоциативных экспериментов и направленных опросов. Они позволяют выявить те культурные коды, через которые осмысливается то или иное абстрактное понятие. Например, реакция на стимул «скромный» актуализирует растительный код (скромные цветы – «незабудки», «ромашки», «ландыши») и зооморфный код («овечка», «ягненок», «мышка»). Описание образа скромного человека, полученные от носителей языка, складываются в стереотипный портрет: молодая девушка, неброско («серенько») одетая, с тихим голосом, потупившимся взглядом и минимальной жестикуляцией. Этот визуальный образ является материализованной в сознании формой существования концепта.

Интегрируя данные, полученные в результате всех этих процедур, исследователь реконструирует концепт как сложное, многомерное ментальное образование, включающее понятийный (информационное содержание), образный (чувственно-наглядная оболочка) и ценностный (оценочное отношение) компоненты. Структура и содержание концепта оказываются зеркалом национального мировидения.

Сопоставительный анализ является логическим развитием и углублением концептуального, выводя его на межкультурный уровень. Его основная цель – выявление сходств и различий в способах концептуализации, категоризации и оценки действительности разными лингвокультурами. Такой анализ обладает двойной эвристической ценностью: он не только описывает уникальность каждой из сопоставляемых культур, но и, выступая в роли «внешнего взгляда», позволяет более рельефно и объективно увидеть,

и описать специфику собственной языковой картины мира, которая для ее носителя часто кажется единственно возможной и естественной.

Методика сопоставительного лингвокультурологического анализа отличается разнообразием и зависит от целей и материала исследования. Одним из фундаментальных методов является методика аппликации (наложения) словарных статей. Она предполагает синхронное сопоставление дефиниций, синонимических рядов, антонимов и типовой сочетаемости ключевых лексем-репрезентантов одного и того же концепта в разных языках. Четкая, унифицированная структура такого сопоставления позволяет с высокой степенью надежности выявить инвариантные смысловые компоненты и национально-специфические семы. Например, сопоставление концепта «скромность» в русской и китайской лингвокультурах показало, что в китайской традиции это один из ключевых позитивных этических регулятивов, глубоко укорененный в конфуцианской системе ценностей и получающий развернутое выражение в многочисленных прецедентных высказываниях, паремиях и фразеологизмах. В русской же лингвокультуре тот же концепт характеризуется меньшей степенью концептуализации, амбивалентной, биполярной аксиологической нагрузкой и противоречивой системой оценок, что отражает сложность и неоднозначность его места в системе национальных ценностей.

Для систематизации ключевых методов сопоставительного анализа, применяемых на разных уровнях языка, целесообразно представить их в обобщающей таблице.

Таблица 3.

Методы и цели сопоставительного лингвокультурологического анализа

Метод	Основная цель	Процедура	Ключевой результат
Метод аппликации (наложения) словарных статей	Выявление инвариантных и национально-специфических сем	Сопоставление дефиниций, синонимических рядов, сочетаемости ключевых лексем в разных языках	Установление степени концептуализации и аксиологической нагрузки концепта в сопоставляемых культурах

Метод	Основная цель	Процедура	Ключевой результат
Доминантный анализ	Выявление ключевых, культурно значимых единиц	Квантитативный анализ частотности лексем в корпусах текстов, ассоциативных полях	Определение доминант языковой картины мира, ключевых концептов этноса
Метод лингвокультурологической реконструкции концептуальных оснований (И.В. Зыкова)	Сравнение глубинных когнитивных моделей, стоящих за фразеологией	Группировка фразеологизмов в семиотические классы по общности исходного образа-основания	Реконструкция метафорических моделей осмысления действительности (напр., "коммуникация как игра", "коммуникация как война")
Метод лингвокультурологического декодирования (И.В. Зыкова)	Определение иерархии культурных смыслов во фразеологизмах	Анализ архетипической, мифологической, аксиологической информации, заложенной в единице	Выявление системы ценностных ориентаций, закодированных в языке

Эффективным инструментом выявления культурно значимых единиц является доминантный анализ, часто применяемый в сочетании с квантитативными методами. Он заключается в выявлении наиболее частотных лексем в синонимических рядах, ассоциативных полях или в определенных дискурсах с помощью методов корпусной лингвистики. Предполагается, что высокая частотность определенной лексики указывает на ее особую значимость в языковой картине мира. Как отмечает А. Т. Хроленко, среди наиболее частотных лексем присутствуют слова, обозначающие доминанты языковой картины этноса¹⁵. Для русского языка такими ключевыми концептами, по мнению ряда исследователей (А. Вежицкая, А.Д. Шмелев), являются «душа», «судьба», «тоска», «справедливость», что отражает определенные ценностные ориентации и способы осмысления мира.¹⁶

Особую область составляет сопоставительный анализ фразеологии, для

¹⁵ Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка : учебное пособие / под ред. проф. В.Д. Бондалетова. М. : Флинта : Наука, 2004. С. 123.

¹⁶ Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 49-50, 285-290

которого продуктивны методы, детально разработанные И.В. Зыковой.¹⁷ Среди них метод лингвокультурологической реконструкции концептуальных оснований значений фразеологических знаков. Этот метод предполагает создание обширного исследовательского корпуса, включающего все концептуально родственные фразеологизмы, их группировку в определенные семиотические классы на основе общности исходного образа-основания (например, «коммуникация как игра», «коммуникация как охота/рыбалка», «коммуникация как торговля», «коммуникация как гастрономический процесс») и последующую реконструкцию глубинных когнитивных моделей, лежащих в основе метафорического осмысления той или иной сферы действительности.

Не менее важен метод лингвокультурологического декодирования и интерпретации культурной информации, который направлен на определение иерархической организации культурных смыслов, заложенных во фразеологизме. Анализируется архетипическая информация (оппозиции «свой – чужой», «верх – низ», «далекий – близкий»), мифологическая, религиозная, философская, а также аксиологическая составляющая (оценка: одобрение/осуждение).

Таким образом, компонентный, концептуальный и сопоставительный анализ, будучи тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы, образуют мощный методологический комплекс. Компонентный анализ служит инструментом пристального взгляда на семантику отдельного знака, вскрывая в ней культурные напластования. Концептуальный анализ позволяет интегрировать данные о множестве таких знаков в целостную модель ментального образования – концепта. Сопоставительный анализ выводит исследование за пределы одной лингвокультуры, позволяя увидеть ее специфику в системе межкультурных координат. Их комплексное, гибкое применение позволяет лингвокультурологии выполнять свою главную задачу – адекватно

---

¹⁷ Просвирнина И.С. О современных методах сопоставительного лингвокультурологического анализа // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). 2020. Т. 5, № 3. С. 49-51.

реконструировать и интерпретировать фрагменты языковой картины мира как воплощения национального духа, культурного кода и ценностной системы этноса. Поиск оптимальных сочетаний и модификаций этих методов остается актуальной задачей развивающейся науки.

1.3 Лексикография и фразеология как источники изучения культурных концептов.

Сравнительное исследование культурных концептов в русской и китайской лингвокультурах представляет значительный интерес для современной антропоцентрической лингвистики. Выявление национальной специфики мировосприятия требует обращения к аутентичным источникам, способным объективировать особенности концептуализации действительности. В этой связи лексикография и фразеология выступают в качестве фундаментальных дисциплин, предоставляющих как репрезентативный эмпирический материал, так и надежный методологический инструментарий для сопоставительного анализа концептосфер.

Лексикографические источники различных типов – толковые, этимологические, фразеологические, исторические и культурологические словари – выполняют функцию фиксации и систематизации вербализованных форм концептов. Через призму словарных дефиниций и иллюстративного материала становится возможным проследить семантические трансформации, выявить культурную обусловленность значений и установить иерархию смыслов в структуре концепта. Особую ценность для исследователя представляют академические издания, прошедшие многолетнюю апробацию научным сообществом и отражающие узувальные нормы языка в их исторической динамике.

Фразеологический пласт языка представляет собой уникальное хранилище культурно-значимой информации. Устойчивые выражения, идиомы, пословицы и поговорки аккумулируют в свернутой форме

многовековой опыт национального сообщества, его ценностные ориентации, поведенческие стереотипы и особенности миропонимания. В отличие от лексических единиц, фразеологизмы чаще всего не поддаются буквальному переводу и требуют специального культурологического комментария, что делает их особенно ценным материалом для выявления лакунарных явлений и национально-специфических компонентов в структуре концептов.

Таблица 4.

Сопоставление базовых параметров лексикографических традиций

Критерий анализа	Русская лексикографическая школа	Китайская лексикографическая школа
Исторические истоки	Церковнославянская книжная традиция, европейское влияние XVIII-XIX вв.	Классическая иероглифическая письменность, комментаторская традиция
Философские основания	Диалектическое мышление, онтологизм, склонность к метафизическим обобщениям	Прагматизм, синкретическое мировоззрение, ориентация на практическую мудрость
Принципы структурирования	Алфавитный порядок, гнездовая система расположения материала	Ключевая система иероглифов, фонетические принципы группировки
Характер дефиниций	Развернутые толкования с указанием оттенков значения	Лаконичные определения, афористичная форма изложения
Иллюстративный материал	Цитаты из художественной литературы, фольклора	Примеры из классических текстов, исторических хроник

Сопоставительный анализ русской и китайской концептосфер на основе лексикографических источников позволяет выявить фундаментальные различия в способах категоризации действительности. Русская лексикографическая традиция, представленная фундаментальными трудами В.И. Даля "Толковый словарь живого великорусского языка"¹⁸, академическими словарями под редакцией С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, демонстрирует выраженную тенденцию к абстрактно-философскому

¹⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Эксмо, 2006. Т. 1. С. V-X (предисловие).

осмыслению концептов, их эмоциональной насыщенности и диалектической сложности. Характерной чертой является многоаспектность дефиниций, внимание к стилистическим и экспрессивным оттенкам значения.

Китайская лексикографическая традиция, уходящая корнями в глубокую древность и нашедшая отражение в таких памятниках, как "Шовэнь цзецзы" Сюй Шэня (II в. н.э.), современных толковых словарях "Сяньдай ханьюй цыдянь"¹⁹, отличается принципиально иным подходом. Для нее характерны ориентация на конкретно-чувственное восприятие, прагматизм в толкованиях, этическая нагруженность концептов. Определения часто носят описательный характер, отсылают к классическим каноническим текстам и содержат морально-назидательный компонент.

Таблица 5.

Сравнительный анализ репрезентации ключевых культурных концептов

Концепт	Русская языковая картина мира	Китайская языковая картина мира
Судьба	Фатализм, неизбежность, внешняя сила (судьба-злодейка, судьба-индейка, на роду написано)	Закономерность, небесная предопределенность (тяньмин - 天命), дао как путь
Душа	Религиозно-метафизическая субстанция, внутренний мир (душа болит, душа в душу, на душе скребут кошки)	Дыхание-психика, жизненная энергия (синь - 心), средоточие чувств и мыслей
Воля	Свобода выбора, простор, могущество (воля вольная, волю дать, взять себя в руки)	Самодисциплина, целеустремленность (ичжи - 意志), сознательное усилие
Гармония	Внутреннее равновесие, лад, согласие (жить в ладу, на одной волне)	Космический порядок, вселенское равновесие (хэсе - 和谐), единство противоположностей
Справедливость	Нравственный императив, правда (по совести, по справедливости)	Социальный порядок, должное воздаяние (гунчжэн - 公正)

¹⁹ 自由 (汉语词语) // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%87%AA%E7%94%B1/5264> (дата обращения: 05.12.2025).

Концепт	Русская языковая картина мира	Китайская языковая картина мира
Время	Линейное восприятие, необратимость (время течет, по грибы со временем)	Циклическое восприятие, повторяемость (шицзянь - 时间)

Фразеологический материал с особой наглядностью проявляет национально-культурную специфику концептосферы. Русская фразеология, зафиксированная в словарях А.И. Молоткова²⁰, В.П. Жукова²¹, М.И. Михельсона²², характеризуется образностью, восходящей преимущественно к земледельческой культуре, православной традиции, историческим перипетиям национальной истории. Значительный пласт составляют выражения, отражающие взаимоотношения человека с природой, социальные взаимодействия, религиозно-нравственные искания.

Китайская фразеология (чэньюй, янььюй, сехоуэй), представленная в специализированных словарях и собраниях, отражает тысячелетнюю культурную традицию, опору на конфуцианские ценности, даосскую мудрость и буддийское мировоззрение²³. Характерной особенностью является высокая степень цитатности, отсылки к историческим событиям, литературным памятникам, философским притчам. Многие чэньюй представляют собой свернутые повествования, требующие специального историко-культурного комментария для адекватного понимания.

В таблице шесть демонстрируются фундаментальные различия в образных системах русской и китайской фразеологии. Сравнительный анализ выявляет, как национально-культурная специфика находит отражение в выборе базовых образных доминант. Русская фразеологическая картина мира формируется под влиянием природной среды, сельскохозяйственного уклада

²⁰ Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

²¹ Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка : пособие для учащихся / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1980. – 447 с.

²² Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – Санкт-Петербург, 1902–1904.

²³ 王勤. 汉语熟语论. 济南: 山东教育出版社, / Ван Цинь. Китайские идиомы. Цзинань: Шаньдунская образовательная пресса, 2006. С. 56-78.

и православной традиции, что проявляется в преобладании образов, связанных со стихиями, животным миром и религиозной символикой. В отличие от этого, китайская фразеология укоренена в древней цивилизации с развитой системой письменности, философской мысли и ритуальной культуры, что обуславливает доминирование историко-мифологических образов и символов, обладающих сложной культурной семиотикой. Сопоставление этих систем позволяет не только выявить национальные особенности языкового сознания, но и проследить связь между культурными архетипами и способами концептуализации действительности в разных лингвокультурах.

Таблица 6.

Национальная специфика фразеологических образных систем

Образная сфера	Русская фразеология	Китайская фразеология
Природные образы	Гроза, метель, поле, река (метель какая-то, поле деятельности, как с гуся вода)	Гора, вода, луна, цветок (шаньшуй - 山水, горы-воды; юэлян - 月亮, луна)
Животные образы	Медведь, волк, заяц, птица (медвежья услуга, волчий аппетит, заячья душа)	Дракон, феникс, тигр, черепаха (лунфэн чэнсян - 龙凤呈祥; хувэй сюньянь - 虎威雄颜)
Исторические образы	Смутное время, допетровская Русь (вот тебе, бабушка, и Юрьев день; филькина грамота)	Династии Хань, Тан, Сун (гоцинъяншань - 过景阳冈; баньмень нунфу - 班门弄斧)
Религиозные образы	Православная символика (нести свой крест, кануть в Лету, до второго пришествия)	Конфуцианство, даосизм, буддизм (чжэндао - 正道; увэй эрчжи - 无为而治)
Бытовые образы	Дом, печь, баня, дорога (держи карман шире, выносить сор из избы)	Чай, рис, шелк, веер (чифань - 吃饭; майдуй цюйжун - 买椟还珠)

Методология сравнительного исследования культурных концептов предполагает комплексное использование различных аналитических процедур. Контрастивный анализ лексикографических дефиниций позволяет

выявить расхождения в семантических полях соответствующих концептов, установить наличие безэквивалентных сем и лакун. Сопоставительный анализ фразеологических единиц раскрывает глубинные различия в образном строе и аксиологических установках двух лингвокультур. Особую ценность представляет историко-этимологический подход, прослеживающий генезис и эволюцию концептов в их культурном контексте.

Таблица 7.

Уникальные культурные концепты в сопоставляемых лингвокультурах

Лингвокультура	Уникальные концепты	Лексикографическая репрезентация	Фразеологическое воплощение
Русская	Тоска, соборность, авось, удаль, надрыв	Развернутые дефиниции с эмоционально-оценочными компонентами, указание на культурный контекст	Черная тоска, хоть святых выноси, русский авось, сломя голову
Китайская	Ли (礼), сяо (孝), мяньцзы (面子), жэнь (仁), бао (报)	Этико-ритуальные определения, ссылки на канонические тексты, моральные императивы	Цзюйли эрцзо (举礼而坐), байшань сяошунь (百善孝顺), цзюню цзыжэнь (君子爱人)

Фразеологический корпус двух языков демонстрирует различные системы ценностных ориентаций. Русская фразеология акцентирует такие концепты, как "справедливость", "искренность", "сострадание", "совесть", "правда", в то время как китайская фразеология делает акцент на "гармонии", "сыновней почитательности", "ритуальности", "сохранении лица", "взаимности". Образные основания также существенно различаются: если русская фразеология тяготеет к антропоморфным и природным образам, то китайская широко использует исторические, мифологические и животные символы, часто имеющие сложную культурную символику.

Особый интерес представляет анализ концептов, не имеющих прямых эквивалентов в другой лингвокультуре. В русской концептосфере это такие концепты, как "тоска" – сложное психологическое состояние, сочетающее грусть, духовное томление и метафизическую тревогу; "соборность" – единение в свободе и любви; "авось" – надежда на случайное благоприятное стечение обстоятельств²⁴. В китайской концептосфере уникальными являются "ли" (ритуал) – система социальных норм и этикета; "сяо" (сыновняя почтительность) – почитание родителей и предков; "мяньцзы" (социальное лицо) – репутация, престиж, достоинство в социальном контексте²⁵. Их изучение требует привлечения широкого круга лексикографических и фразеологических источников, а также применения методов лингвокультурологического комментария.

Современная лексикография, обогащенная достижениями электронной обработки данных, предоставляет новые возможности для сравнительного изучения концептов. Создание параллельных корпусов текстов, электронных словарей новых поколений, баз данных фразеологизмов с культурологическими комментариями позволяет проводить комплексный анализ частотности, сочетаемости и контекстного окружения вербализаторов концептов в двух языках. Особую перспективу представляет создание специализированных лингвокультурологических словарей, ориентированных непосредственно на задачи сопоставительного анализа концептосфер.

Интеграция лексикографических и фразеологических данных создает прочную эмпирическую базу для сопоставительных лингвокультурологических исследований. Такой подход позволяет не только выявить национальную специфику отдельных концептов, но и реконструировать фрагменты русской и китайской картин мира, понять глубинные механизмы взаимодействия языка и культуры в процессе

²⁴ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 150-152 (авось), 731-734 (соборность), 773-776 (тоска).

²⁵ Сианьский университет иностранных языков. Свобода по-китайски: анализ концепта 自由 // Сравнительно-сопоставительные исследования языков и культур. 2021. Т. 13. С. 61-63.

концептуализации действительности. Полученные результаты имеют значение не только для теоретической лингвистики, но и для практики межкультурной коммуникации, лингводидактики, перевода, способствуя более адекватному взаимопониманию между носителями различных культурных традиций.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпусов анализируемого материала, разработке более тонких методик выявления имплицитных культурных смыслов, создании комплексных моделей описания концептов, учитывающих их полевую организацию и динамический характер. Особого внимания заслуживает изучение процессов трансформации концептосфер в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия.

Проведенный анализ теоретических основ и методологического аппарата лингвокультурологии позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, составляющих фундамент для последующего исследования концептов «свобода» и «воля» в их национально-культурной специфике.

Современная лингвистическая наука, утвердившаяся в антропоцентрической парадигме, рассматривает язык как неотъемлемую составляющую человеческого сознания и культуры. В этом контексте ключевой категорией становится языковая картина мира – исторически сложившаяся система представлений о действительности, объективированная в языке и определяющая специфику мировосприятия языкового сообщества.

Центральным элементом данной системы выступает концепт, понимаемый как сложное многомерное ментальное образование, аккумулирующее культурный опыт нации. Анализ существующих подходов демонстрирует продуктивность синтеза когнитивного и лингвокультурологического направлений в изучении концептов. Если первое акцентирует роль концепта как единицы мышления и кванта знания, то

второе подчеркивает его культурную составляющую, ценностную природу и этническую специфику.

Исследование внутренней структуры концепта выявляет его полевую организацию, включающую ядерные и периферийные компоненты. Наиболее релевантными для лингвокультурологического анализа представляются трехкомпонентная модель В.И. Карасика (понятийный, образный и ценностный компоненты) и многослойная модель Ю.С. Степанова, учитывающая историческую стратификацию культурных смыслов.

Методологический аппарат лингвокультурологии характеризуется комплексностью и междисциплинарностью. Компонентный анализ, трансформированный в лингвокультурологическом ключе, позволяет выявлять национально-культурные компоненты значения, особенно рельефно проявляющиеся во фразеологизмах и поговорках. Концептуальный анализ обеспечивает процедуры многоаспектной реконструкции содержания концепта через всю полноту его языковых манифестаций. Сопоставительный анализ выводит исследование на межкультурный уровень, позволяя выявлять универсальные и национально-специфические характеристики концептов.

Лексикография и фразеология образуют надежную источниковедческую базу для изучения культурных концептов. Сопоставление русской и китайской лексикографических традиций выявляет фундаментальные различия в способах категоризации действительности, обусловленные особенностями национального мировоззрения. Фразеологический материал, в свою очередь, предоставляет уникальный доступ к глубинным пластам культурного сознания, аккумулируя в свернутой форме ценностные ориентации и поведенческие стереотипы этноса.

Сравнительный анализ образных систем русской и китайской фразеологии демонстрирует различные доминанты национального сознания. Русская фразеологическая картина мира формируется под влиянием природной среды и православной традиции, тогда как китайская укоренена в

древней цивилизации с развитой философской мыслью и ритуальной культурой.

Особую значимость приобретает исследование уникальных культурных концептов, не имеющих прямых эквивалентов в других лингвокультурах. Их изучение требует применения специализированных методик лингвокультурологического комментария и учета широкого историко-культурного контекста.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой более тонких методик выявления имплицитных культурных смыслов, созданием комплексных динамических моделей описания концептов, а также изучением трансформаций концептосфер в условиях межкультурного взаимодействия. Интеграция традиционных методов анализа с возможностями современной электронной лексикографии и корпусной лингвистики открывает новые горизонты в исследовании национальных картин мира.

Таким образом, теоретико-методологический фундамент, представленный в данной главе, создает прочную основу для последующего сравнительного анализа концептов «свобода» и «воля» в русской и китайской лингвокультурах, позволяя перейти от общеметодологических положений к конкретному исследованию их содержательного наполнения и культурной специфики.

Глава 2. Сопоставительный анализ репрезентации концептов «свобода», «воля» и «自由» в лексике и фразеологии

2.1 Лексико-семантический анализ слов «свобода» и «воля» (на материале словарей и корпуса).

Лексико-семантический анализ ключевых концептов русской культуры «свобода» и «воля» предполагает системное исследование их значений, зафиксированных в авторитетных лексикографических источниках, а также наблюдение над особенностями их функционирования в реальных текстах, представленных в Национальном корпусе русского языка. Такой двусторонний подход позволяет не только выявить инвариантные семантические компоненты и смысловые оттенки данных единиц, но и проследить динамику их употребления, контекстуальные предпочтения и культурно-обусловленные коннотации, которые часто остаются за рамками формальных словарных дефиниций.

1. Семантический инвариант и полисемия в лексикографической традиции

Толковые словари фиксируют сложную полисемантическую структуру обоих слов, однако их ядерные значения, релевантные для сопоставительного анализа, выстраиваются вокруг оппозиции «ограниченное / неограниченное проявление личности»²⁶.

Слово «свобода» в большинстве словарей определяется через возможность действовать в соответствии с собственными интересами и целями, отсутствие зависимости. Однако принципиально важным является уточняющий компонент, присутствующий или подразумеваемый в дефинициях: эта возможность реализуется в рамках осознания и принятия определенных норм, законов или условий. Так, в классических определениях подчеркивается, что свобода — это «возможность поступать так, как хочется, в пределах, установленных законом» или «отсутствие стеснений и

²⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс : Мир и Образование, 2007. С. 721.

ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-либо класса, всего общества или его членов»²⁷. Эта сема нормативности, «ограничения в рамках» является конститутивной для понятия свободы. Свобода мыслима лишь в отношении к некоторому порядку, будь то правовой закон, моральная норма или логическое правило. Это находит отражение в устойчивых сочетаниях: свобода слова (но в рамках законодательства о клевете или экстремизме), свобода вероисповедания (с оговоркой о общественной безопасности), свобода творчества (предполагающая внутренние законы жанра или этики). Даже в абстрактных философских контекстах свобода часто осмысливается как «осознанная необходимость», то есть как результат познания и принятия ограничений, налагаемых объективными законами бытия.

В этимологическом аспекте, как отмечает А.Д. Шмелев, слово «свобода» восходит к праславянскому *sveboda*, связанному с основой *svoj* (свой).²⁸ Изначально оно указывало на «положение свободного, своего члена рода». Таким образом, в самой глубине семантики свободы заложена идея принадлежности к определенной общности («свои»), что изначально предполагает соотнесение с этой общностью, ее правилами и нормами. Свобода, таким образом, — это статус «своего» в противоположность «чужому», рабу или изгою.²⁹

Слово «воля» демонстрирует более сложную картину, поскольку объединяет два различных смысловых инварианта. Первый, психологический, связан с «способностью осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели» (сила воли, волевой человек). Второй, социально-экзистенциальный, который нас интересует в сопоставлении со «свободой»,

²⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс : Мир и Образование, 2007. С. 721.

²⁸ Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет : сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. С. 17-18.

²⁹ Шмелев, А. Д. Еще раз о русских словах свобода и воля / А. Д. Шмелев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2018. – Т. 22, № 3. – С. 675–700. – DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

определяется как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений», «ничем не ограниченная возможность поступать, действовать». Ключевым здесь является акцент на полноте и безусловности. Если свобода предполагает «простор, возможность действовать по-своему» (Даль), то воля, по Далю, — это «своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле». На первый взгляд дефиниции схожи, но дальнейшее уточнение Даля для слова «свобода» — «понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного» — указывает на принципиальное различие. Воля мыслится как абсолют, свобода — как относительная категория³⁰.

Этимология «воли» (общеиндоевропейский корень со значениями 'желание', 'выбор', 'власть') подчеркивает ее связь с внутренним импульсом, субъективным хотением (ср. лит. *valia*, др.-инд. *varas* 'желание, выбор', лат. *volo* 'хотеть'). Как социальный термин, обозначающий независимое состояние, это слово, по данным В.В. Колесова, закрепляется лишь в старорусский период, когда возникает противопоставление личной воли социальной несвободе, крепости.

Таким образом, лексикографический анализ выявляет следующую базовую оппозицию:

Свобода — возможность действовать по своей воле в рамках (закона, нормы, порядка, разумного предела). Акцент на относительности и соотнесенности с внешними условиями.

Воля (в интересующем нас значении) — возможность действовать по своей воле без рамок, полное отсутствие внешних ограничений. Акцент на абсолютности и внутреннем порыве.

2. Контекстуальная реализация и семантические ограничения (на материале Национального корпуса русского языка)

Лексикографические дефиниции получают подтверждение и

³⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Эксмо, 2006. Т. 1. С. V-X.

конкретизацию при анализе употреблений в текстах. Корпусные данные и наблюдения лингвистов позволяют выявить жесткие семантические и сочетаемостные ограничения, регулирующие употребление этих слов.

А. Пространственная метафора и предлоговая модель

Одним из наиболее ярких различий является отражение концептов в пространственной метафоре. Воля устойчиво ассоциируется с открытым, неограниченным пространством. Это подтверждается:

Устойчивыми выражениями: на воле (противопоставление тюрьме, неволе), вырваться на волю, отпустить на волю. Предлог «на» указывает на поверхность, открытую территорию. Само сочетание «на воле» отражает представление о внешнем, просторном мире.

Ассоциативным рядом: воля коррелирует с лексемами простор, ширь, степь, поле, ветер, воздух, небо, раздолье. Как отмечает А.Д. Шмелев, «широкие просторы вызывают в сознании представление о воле»³¹. Эта связь глубоко укоренена в культурном сознании, что иллюстрируют цитаты из классиков: «*Нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле*» (М.Ю. Лермонтов)³²; «*Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек*» (В.И. Лебедев-Кумач).

Производными: вольный воздух (синоним свежего, открытого пространства вне дома или города).

Свобода не имеет столь однозначной пространственной привязки. Она может ассоциироваться с простором (как у Даля), но чаще ее метафорика связана с снятием пут, гнета, возможности дышать полной грудью. В.В. Розанов и Вл. Соловьев в полемике³³, приведенной А.Д. Шмелевым, ассоциируют несвободу с душным подвалом, где люди задыхаются, а освобождение — с доступом к чистому воздуху. Анна Вежбицкая также

³¹ Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ЛИНГВИСТИКА = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3.

³² Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений в 2 томах. — Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. — Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837—1841. — С. 9—13

³³ Соловьев В.С. Полемика с Розановым. Акт 18 февраля 1896 г. // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. — СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911—1914. — Т. 9: Соловьев В.С. Сочинения 1893—1896 годов. — 1913.

отмечает связь «свободы» с возможностью дышать свободно. Пространство здесь мыслится не как бескрайний простор, а как необходимое, но недостаточное условие для жизни³⁴.

Предлоговая модель также показательна: говорят на воле, но в неволе. «Воля» — это внешняя среда («на»), куда выходят; «неволя» — это замкнутое пространство («в»), из которого вырываются. Для слова «свобода» аналогичное противопоставление строится иначе: несвобода — это не пространство, а состояние, положение дел (нельзя быть «в несвободе», можно быть «в состоянии несвободы»).

Б. Сочетаемость и контекстуальные табу

Наиболее четко различие проявляется в сочетаемости. Синтаксическая сочетаемость как отражение семантики: почему возможна «свобода от» и невозможна «воля от»? Свобода может быть направлена на преодоление конкретных ограничений: свобода от предрассудков, от страха, от обязательств, от тирании. Конструкция «воля от...» является аномальной. Воля, как абсолютное состояние, не может быть частичной или направленной против чего-то конкретного; она либо есть, либо ее нет. Как пишет А.Д. Шмелев, «говорить о воле неуместно, когда речь идет о снятии каких-то конкретных ограничений или помех»³⁵.

Конкретные «свободы» и абстрактная «воля». Слово «свобода» активно образует множественное число и сочетается с конкретизирующими определениями, обозначая различные аспекты или правовые гарантии: свободы слова, печати, собраний, политические свободы, гражданские свободы. Слово «воля» в соответствующем значении практически не употребляется во множественном числе («вольности» имеет иное, часто устарелое или специфическое значение — поэтические вольности, вольности дворянства) и не сочетается с подобными определениями. Нельзя сказать *воля слова* или *воля собраний*. Это прямо вытекает из ее семантики:

³⁴ Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 402.

воля как целостный, нерасчлняемый абсолют не подлежит дифференциации.

Связь с законом и порядком. Свобода органично сочетается с концептами права и закона: законная свобода, свобода в рамках закона, порядок и свобода. Воля, напротив, находится в отношениях антонимии с порядком. Она, по замечанию В.Н. Топорова, «всегда экстенсивна, дика, своенравна», «несовместима с порядком»³⁶. Воля ассоциируется с произволом, самовольством, беззаконием, разгулом. Это отражается в исторических контекстах: «*Радищев пишет о свободе — Пугачев о воле*» (Вайль, Генис)³⁷. Террористическая организация называлась «Народная воля», а либеральная партия — «Народная свобода» (кадетская).

В. Анализ производных и словообразовательных гнезд

Различие в семантике ядерных слов закономерно проецируется на их производные.

Вольный — почти всегда указывает на отклонение от общепринятой нормы или отсутствие стандартных ограничений: вольный перевод (отступающий от буквы оригинала), вольный стих (не подчиняющийся метрической схеме), вольная борьба (вид спорта с меньшим числом ограничений), вольный ветер, вольные птицы (не подчиняющиеся контролю), вольные казаки (живущие вне государственной регламентации). Даже в советское время «вольняшка» (вольный сотрудник ГУЛАГа) обозначала человека, находящегося вне системы заключения, но не обязательно «свободного» в полном смысле.

Свободный — указывает на легкость и естественность действия в рамках нормы, отсутствие затруднений: свободное владение языком (владение в соответствии с нормами, без усилий), свободное движение, свободная страна (страна, где соблюдаются законы, гарантирующие права). Свободный подразумевает не отсутствие рамок, а то,

³⁶ Токарев Г.В. Дискурсивные лики концепта : монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2003. С. 45

³⁷ Гольдберг В.Б. Основы лексической категоризации глагола. Типология структурно-семантических связей // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола : сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. С. 96-97.

что существующие рамки не ощущаются как стеснение.

Интересна эволюция слова «вольность». В XVIII–XIX вв. оно могло означать политическую свободу (вольности дворянства), но в современном языке сместилось к значению «допустимое или недопустимое отступление от правил» (поэтическая вольность, позволить себе вольность).

3. Синонимия и её границы

Словари фиксируют возможность синонимического употребления, особенно в контекстах, где акцент делается на общем ощущении отсутствия принуждения: *«дышать полной грудью, чувствуя свободу/волю»*. Однако, как показывает анализ, эта синонимия иллюзорна и контекстуально обусловлена. Синонимизация происходит не тогда, когда значения слов сближаются, а когда в конкретном контексте сема ‘ограничение’ в слове «свобода» редуцируется, и на первый план выходит общая сема ‘отсутствие стеснений’. Например, в философской или поэтической абстракции: *«душа жаждет свободы/воли»*. Однако даже в таких контекстах выбор слова не случаен: *«жаждет воли»* звучит как порыв к преодолению любых границ, к стихийному выплеску; *«жаждет свободы»* — как стремление к состоянию раскрепощенности, возможно, внутренней, в том числе и через преодоление внутренних ограничений.

Психолингвистический эксперимент, описанный Н.М. Петровых, подтверждает, что лишь около 43% носителей языка ощущают четкую границу между словами, в то время как значительная часть отождествляет их³⁸. Однако ассоциативные поля, полученные в том же эксперименте, демонстрируют глубокое различие: воля вызывает ассоциации простор, небо, ветер, поле, степь, разгул; свобода — закон, равенство, право, ответственность, творчество. Это прямо указывает на то, что даже при декларативном отождествлении в языковом сознании носителей закреплены разные прототипические сценарии.

4. Диахронический аспект и советский период

³⁸ Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. С. 100

Диахронический срез, представленный в статье А.Д. Шмелева, показывает, как исторический контекст влиял на семантическую нагрузку слов³⁹.

Советский период привел к определенной девальвации публичного дискурса о свободе, поскольку это слово было активно эксплуатируемо пропагандой («сталинская конституция», «свободный труд», «свобода совести» в специфической трактовке). Это породило ироническое или скептическое отношение к «свободам» как к формальным, декларативным понятиям. Вместе с тем, в нонконформистском дискурсе (Солженицын, Галич) «свобода», особенно «внутренняя свобода», оставалась высшей экзистенциальной и духовной ценностью.

Слово «воля» в официальном советском языке почти не использовалось. Зато в языке заключенных ГУЛАГа оно сохранило свою исконную пространственную семантику, обозначая весь внешний мир за колючей проволокой («на воле»). Это употребление подчеркивало оппозицию «замкнутое пространство неволи» против «открытого мира воли». В этом субъязыке «вольный» означало не «свободный гражданин», а специфическую категорию вольнонаемного работника системы, что также указывает на маргинальность и специфичность этого концепта в ту эпоху.

5. Анализ переводов как источник семантической информации

Шмелев предлагает продуктивный метод анализа семантики через изучение переводных эквивалентов. При переводе с русского на языки, не различающие эту оппозицию (например, английский, где и *freedom*, и *liberty* покрывают оба понятия), возникает неизбежная потеря смысла. Обратный процесс — анализ того, как слова *freedom/liberty* или *liberté* переводятся на русский — еще более показателен⁴⁰.

³⁹ Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет : сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. С. 20-21.

⁴⁰ Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 318

Стандартным и нейтральным эквивалентом почти всегда выступает «свобода».

Появление в переводном тексте слова «воля» — всегда маркированный, стилистически или семантически обусловленный выбор. Оно появляется в контекстах, связанных с физическим выходом на открытое пространство, освобождением из заточения, стихийным, ничем не ограниченным действием. Например, в переводах может быть использовано *«вырваться на волю»* для передачи идеи бегства из тюрьмы на простор, даже если в оригинале стояло более общее *«to escape to freedom»*.

Это подтверждает исходный тезис: «свобода» воспринимается как более универсальный, интернациональный концепт, вписывающийся в либеральный дискурс о правах и законах. «Воля» же остается лингвоспецифичным понятием, трудно переводимым без потерь, ключевым для понимания специфических черт русского культурного сознания, связывающего личную независимость с образами пространства, стихии и бегства от любого порядка.

Таким образом, проведенный лексико-семантический анализ на основе данных словарей и корпусов позволяет сделать вывод о глубоком и системном различии концептов «свобода» и «воля» в русском языке. Это различие не сводится к стилистическим оттенкам или синонимии, а укоренено в самой структуре их значений:

Свобода — относительная, нормативная, структурированная. Она существует «от» чего-то и «для» чего-то, мыслится во множественном числе, сочетается с правовым и социальным дискурсом, ассоциируется с внутренним раскрепощением и ответственностью.

Воля — абсолютная, донормативная, стихийная. Она существует как целостный идеал, противопоставленный любым ограничениям, пространственно метафоризирована как простор, связана с порывом, эмоцией, бегством от порядка и часто несет в себе потенциал произвола.

Лексикографические дефиниции фиксируют ядро этого

противопоставления, а корпусные данные — его жесткие реализационные правила в синтагматике, сочетаемости и культурно-исторических контекстах. Таким образом, наличие двух слов для передачи идеи свободы отражает не избыточность лексической системы, а сложную, амбивалентную структуру самого этого концепта в русской языковой картине мира, разводящую его социально-правовое и экзистенциально-природное измерения.

2.2 Лексико-семантический анализ слова «自由» и его синонимов (на материале словарей и корпуса).

Лексико-семантический анализ ключевого концепта «自由» (*цзыю* – свобода, воля) и его ближайших синонимов в китайском языке представляет собой комплексное исследование, направленное на выявление инвариантных значений, семантических оттенков, контекстуальных предпочтений и культурно-обусловленных коннотаций. Данный анализ базируется на данных авторитетных толковых и этимологических словарей, а также на примерах из современных корпусов китайского языка (таких как BCC, CCL и LCMC), что позволяет проследить динамику употребления и синтагматические связи. В китайской лингвокультурной традиции концепт свободы обладает особой спецификой, сформированной философским наследием (даосизм, конфуцианство, буддизм) и историко-политическим контекстом, что находит прямое отражение в семантике и употреблении соответствующей лексики.

1. Семантическое ядро и полисемия слова «自由» в лексикографических источниках

Слово «自由» (*цзыю*) является основным и наиболее частотным носителем идеи свободы в современном китайском языке. Его этимология прозрачна и структурно значима: это сложное слово, состоящее из компонентов «自» (*цзы* – сам, себя) и «由» (*ю* – следуя из, исходя из, причина). Таким образом, внутренняя форма слова указывает на самодетерминацию, действие, исходящее от самого субъекта, следование

собственной природе или воле. Это ключевое отличие от русской пары «свобода/воля», где акцент может смещаться на внешние условия (простор) или правовые нормы.

В современных толковых словарях («*Современный словарь китайского языка*» / 《现代汉语词典》 / «*Сяньдай ханьюй цыдянь*») значение «自由» раскрывается через следующие основные аспекты:

Законный или социальный статус: «Право личности в рамках закона совершать действия по своему желанию, не подвергаясь ограничениям или порабощению» (在法律规定的范围内·随自己意志活动的权利 - «цзай фалюй гуйдин дэ фанвэй нэй, суй цзици ичжи ходун дэ цюаньли»). Это значение коррелирует с западным понятием *liberty* и правовым дискурсом. *Примеры из корпуса*: «公民享有言论自由» («*гунминь сянью яньлунь цзыю*» – Граждане обладают свободой слова), «自由选举» («*цзыю сюаньцзюй*» – свободные выборы).

Философская и экзистенциальная категория: «Способность распознавать необходимость и преобразовывать действительность» (认识必然和改造现实 - «жэньши бижань хэ гайцзяо сяньши»). Это определение, восходящее к гегельянской и марксистской философии («свобода как осознанная необходимость»), акцентирует познавательный и активный аспект свободы.

Бытовая, нерегламентированная активность: «Отсутствие ограничений, возможность действовать по своему усмотрению» (不受拘束; 不受限制 «бу шоу цзюйшу; бу шоу сяньчжи»). Это наиболее широкое и употребляемое значение. *Примеры*: «自由讨论» («*цзыю таолунь*» – свободная дискуссия), «自由活动时间» («*цзыю ходун шицзянь*» – время для свободных занятий)⁴¹.

⁴¹ 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7-е изд. 北京: 商务印书馆, 2016. С. 1729 / Современный словарь китайского языка / Под редакцией Отдела редактирования словарей Института лингвистики Китайской академии общественных наук. 7-е изд. Пекин: Коммерческая пресса, 2016. С. 1729

Важно отметить, что в отличие от русского «воля», слово «自由» практически лишено негативных коннотаций «произвола», «анархии» или «своеволия» в нейтральном употреблении. Эти оттенки передаются другими лексическими единицами (см. ниже).

2. Синонимический ряд и его дифференциация: «自在», «随意», «任意», «放纵»

Ближайший синонимический ряд к «自由» включает слова, которые уточняют тип, степень или контекст свободы, часто смещая акцент с правового статуса на субъективное ощущение или характер действия.

А. «自在» (*цзыцзай* – непринуждённость, естественность, свобода как состояние комфорта и отсутствия помех). Это слово несёт сильный отпечаток буддийской и даосской философии, где оно обозначает высшее состояние просветлённого существа, свободного от мирских пут и страданий (ср. санскр. *īśvara* – владыка, повелитель). В современном языке его значение сместилось в сторону психологического и бытового комфорта.

– Семантические доминанты: отсутствие беспокойства, стеснения, внутренняя гармония, лёгкость, самость. Акцент на состоянии субъекта, а не на его правах.

– Контекстуальные предпочтения: часто описывает внутреннее состояние, ощущение лёгкости, удобство пребывания где-либо.

– Примеры из корпуса:

1. «他一个人生活得很自在» («*Та ижэ жэнь шэнхо дэ хэнь цзыцзай*» – Он живёт один и очень непринуждённо/в своё удовольствие). Замена на «自由» была бы менее идиоматичной и сместила бы смысл на «без ограничений», а не на «с комфортом».

2. «自由自在» (*цзыю цзыцзай*) – устойчивое парное сочетание, означающее «полная, ничем не омрачённая свобода», часто используется для описания беззаботной жизни, например, животных или детей: «小鸟在天空中

自由自在地飞翔» («Сяоняо цзай тянькун чжун цзыю цзыцзай дэ фэйсян» – Птички свободно и легко летают в небе).

Таким образом, «自在» (*цзыцзай*) является не столько синонимом, сколько конкретизатором «自由», добавляющим семы психологического комфорта, безмятежности и естественности. Оно реже используется в политико-правовом дискурсе.

Б. «随意» (*суйи* – по своему усмотрению, как угодно, неофициально). Данное слово акцентирует момент выбора и отсутствия формальностей. Его можно перевести как «по желанию», «непринуждённо».

– Семантические доминанты: Случайность, необязательность, отсутствие строгих правил, неформальность.

– Контекстуальные предпочтения: Часто используется как наречие для описания действий, совершаемых без особых приготовлений или строгого следования плану.

– Примеры из корпуса:

1. «请大家随意用餐» (*Цин дацзя суйи юнцань* – Прошу всех приступить к еде без церемоний, как удобно).

2. «他说话很随意» (*Та шохуа хэнь суйи* – Он говорит непринуждённо/без оглядки). Здесь «随意» может иметь и легкий негативный оттенок – «несерьёзно», «небрежно», что недоступно для нейтрального «自由».

3. В отличие от «自由», оно не подходит для обозначения фундаментальных прав: «随意 слова» (*суйи цзы*) вместо «自由 слова (*цзыю цзы*)» – грубая ошибка.

Соответственно, «随意» в данном значении обозначает тактическую, ситуативную свободу в малых действиях, часто в социальном или бытовом

контексте. Оно лишено философской или правовой глубины «自由».

В. «任意» (*жэньи* – произвольный, любой, по своему произволу).

Это слово подчёркивает широту выбора, возможность взять любой вариант из множества, а также элемент субъективного произвола.

– Семантические доминанты: произвольность, отсутствие ограничений на выбор, потенциально – своеволие.

– Контекстуальные предпочтения: широко используется в математике и технике («произвольная величина» – 任意值 «*жэньи чжи*»), а также в контекстах, где подчёркивается неограниченный выбор или, реже, каприз.

– Примеры из корпуса:

1. «顾客可以任意选择商品» («*Гукэ кэи жэньи сюаньцзэ шанпинь*» – Покупатели могут выбрать любой товар).

2. «他任意妄为，不听劝阻» («*Та жэньи ванвэй, бу тин цюаньцзуй*» – Он действует по своему произволу, не слушает уговоров). В этом примере «任意» (*жэньи*) приобретает явно негативную коннотацию «своеволия», приближаясь к русскому «произвол». «自由» в таком контексте было бы неестественно.

Делая вывод, можно сказать что «任意» (*жэньи*) акцентирует аспект неограниченного выбора и потенциального произвола. Оно более специализированно и чаще используется в контекстах, требующих указания на произвольность или всеобщность, нежели для обозначения личной или политической свободы.

Г. «放纵» (*фанцзун* – распущенность, потворство, несдержанность).

Это слово является антонимическим синонимом в ценностном отношении, но близким по денотативному значению «отсутствия ограничений». Оно всегда несёт резко негативную оценку.

– Семантические доминанты: распущенность, вседозволенность,

потворство своим изменчивым страстям, отсутствие самоконтроля.

– Контекстуальные предпочтения: используется для морального осуждения, описания девиантного поведения, избалованности.

– Примеры из корпуса:

1. «他生活放纵 · 最终毁掉了健康» (*Та шэнхо фанцзун, цзуйчжун хуайдяо лэ цзянькан* – Он вёл распущенный образ жизни и в итоге разрушил здоровье).

2. «放纵自己的欲望是危险的» (*Фанцзун цзизи дэ юйван ши вэйсянь дэ* – Потворствовать своим желаниям опасно).

Можно сказать, что «放纵» заполняет ту семантическую нишу негативно оцениваемого отсутствия ограничений, которая в русском языке частично покрывается словом «воля» (в контексте «разгул», «своеволие»). «自由» в нормативном дискурсе тщательно отграничивается от «放纵».

3. Анализ сочетаемости и контекстуальных моделей (на материале корпуса)

Исследование корпусных данных позволяет чётко разграничить сферы употребления анализируемых единиц.

А. «自由»:

– Правовой и общественный дискурс: образует устойчивые терминологические сочетания: «自由民主» (*цзыю миньчжун* – свобода и демократия), «宗教信仰自由» (*цзунцзяо синьян цзыю* – свобода вероисповедания), «人身自由» (*жэньшэнь цзыю* – личная неприкосновенность).

– Философский и абстрактный дискурс: «自由意志» (*цзыю ичжи* – свободная воля), «追求自由» (*чжуйцю цзыю* – стремиться к свободе), «精神

自由» (*цзиншэнь цзыю* – духовная свобода).

– Бытовой и описательный дискурс: «自由恋爱» (*цзыю лянбай* – свободная любовь, брак по любви), «自由市场» (*цзыю шичан* – свободный рынок), «感觉自由» (*ганьцзюэ цзыю* – чувствовать себя свободным).

– Важное наблюдение: В корпусных примерах «自由» крайне редко сочетается с указанием на объект освобождения «от...». Конструкция, аналогичная русской «свобода от страха», чаще выражается глаголом «摆脱» (*байтуо* – сбросить, избавиться) или описывается иначе: «摆脱恐惧的自由» – (*байтуо кунцзюй дэ цзыю*) дословно «свобода, избавившаяся от страха». Это подтверждает идею о том, что «自由» концептуализируется скорее, как положительное состояние, к которому стремятся, а не как избавление от чего-либо.

Б. «自在» (*цзыцзай*), «随意» (*суйи*), «任意» (*жэньи*), «放纵» (*фанцзун*):

– «自在» (*цзыцзай*): чаще выступает в роли сказуемого или обстоятельства: «过得自在» («го дэ цзыцзай»), «活得自在» («хо дэ цзыцзай»), «自由自在地» («цзыю цзыцзай дэ»). Редко используется в качестве атрибута для сложных терминов.

– «随意» (*суйи*): преимущественно наречное употребление: «随意说» («суйи шо»), «随意做» («суйи цзо»), «随意点儿» («суйи дяньр»). Как определение может означать «неформальный»: «随意的穿着» (*суйи дэ чуаньчжо* – неформальная/повседневная одежда).

– «任意» (*жэньи*): широко используется как определение, подчёркивающее всеобщность: «任意时间» (*жэньи мэнь* – в любое время), «

任意门» (досл. «произвольная дверь» – известный культурный концепт из манги). В негативном ключе: «任意践踏» (*жэньи цзяньта* – попирать что-либо по своему произволу).

– «放纵» (*фанцзун*): почти исключительно негативное сказуемое или определение: «行为放纵» (*синвэй фанцзун*), «放纵的态度» (*фанцзун дэ тайду*). Не сочетается с понятиями прав и демократии.

4. Диахронический аспект и культурная специфика

Слово «自由» как неологизм для передачи западного понятия *liberty/freedom* получило широкое распространение в конце XIX – начале XX века благодаря переводам японских интеллектуалов⁴², использовавших кандзи «自由» (яп. *jiyū*). До этого в классических текстах близкие смыслы выражались иными лексическими и фразеологическими средствами:

– Даосская «естественность»: «自然» (*цзыжань* – самосущее, естественность), «无为» (*увэй* – недеяние, ненасильственное следование Дао).

– Конфуцианская «самоопределённость благородного мужа»: «从心所欲, 不逾矩» (*цун синь со юй, бу юй цзюй* – следовать желаниям своего сердца, не преступая меры) – здесь свобода неотделима от строгого следования ритуалу и морали⁴³.

Это наследие повлияло на современную семантику: «自由» в китайском сознании часто не противостоит порядку («порядок» – 秩序 –

⁴² 马春燕. 日源回归词"自由"的词义演变研究 // 现代语文 (语言研究版). 2014. № 1. С. 57-59. / Ма Чуньянь. Исследование эволюции значения японского слова "Свобода" // Современный китайский язык (языковое исследовательское издание). 2014. № 1. С. 57-59.

⁴³ 刘晓晨, 唐军. 跨文化视角下的中西方"自由"释读 --- 《失乐园》撒旦与《西游记》孙悟空之比较 // 宿州学院学报. 2018. Т. 33, № 9. С. 70-71. / Лю Сючэнь, Тан Цзюнь. Интерпретация китайской и западной "свободы" с межкультурной точки зрения- Сравнение сатаны в "Потерянном рае" и короля обезьян в "Путешествии на Запад" // Журнал Сучжоуского университета. 2018. Т. 33, № 9. С. 70-71.

чжисюй), а мыслится как достижимая лишь в его рамках (сходно с конфуцианской идеей). Отсюда и относительная слабость негативной коннотации «произвола» у самого слова «自由» и её перенос на «任意» и «放纵».

Выводы:

1. Ядерным словом-концептом является «自由» (*цзыю*), обладающее комплексным значением, охватывающим правовой статус, философскую категорию и бытовую нерегламентированность. Его внутренняя форма подчёркивает самодетерминацию и автономию субъекта.

2. Синонимический ряд не является эквивалентным, а выполняет функцию семантической конкретизации и стилистико-оценочной дифференциации:

– «自在» (*цзыцзай*) добавляет сему внутреннего психологического комфорта и гармонии.

– «随意» (*суйи*) акцентирует тактическую, ситуативную свободу от формальностей.

– «任意» (*жэньи*) подчёркивает аспект неограниченного выбора и может приобретать оттенок произвола.

– «放纵» (*фанцзун*) является негативно-оценочным антонимическим синонимом, обозначающим разрушительную вседозволенность.

1. Анализ сочетаемости подтверждает чёткое распределение сфер употребления: «自由» доминирует в общественно-политическом и философском дискурсе, тогда как его синонимы специализируются на бытовом, психологическом или оценочном описании поведения.

2. Культурная специфика китайского концепта свободы проявляется в его генетической связи с идеями естественности и меры, а также в отсутствии глубинной оппозиции «свобода против порядка», характерной,

например, для русской «воли». Негативный полюс неограниченности («произвол») лексикализован отдельно («任意», «放纵»), что позволяет основному концепту «自由» сохранять устойчиво положительную коннотацию в публичном дискурсе.

Таким образом, лексико-семантическое поле свободы в китайском языке представляет собой строго структурированную систему с чётким распределением функций между её элементами, что отражает как специфику языковой картины мира, так и историко-культурные пути осмысления этой фундаментальной категории.

2.3 Сравнительный анализ фразеологических и паремиологических единиц, репрезентирующих концепты в русском и китайском языках.

Сравнительное изучение фразеологии и паремиологии, отражающей ключевые концепты «свободы» и «воли» в русском языке и «自由» (*цзыю*) в китайском, является важным источником данных для лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Фразеологические единицы (ФЕ) и паремии (пословицы, поговорки) выступают в роли своеобразных «консервов» культурного опыта, храня и транслируя наиболее устоявшиеся, стереотипные представления нации о том или ином феномене. Их анализ позволяет выявить не только поверхностные различия в метафорике, но и глубинные различия в аксиологии (системе ценностей), в модели причинно-следственных связей и в прототипических сценариях, связанных со свободой. Данный анализ будет проводиться с опорой на фразеографические источники и корпусные данные обоих языков, а также с привлечением работ таких исследователей, как В.Н. Теля (1996)⁴⁴, Ю.Е. Прохоров (2008)⁴⁵, В.В. Воробьев (2008)⁴⁶ для

⁴⁴ Теля В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996

⁴⁵ Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2008.

русской фразеологии и Ван Цинь (王勤, 2006)⁴⁷ для китайской, а также на кросс-культурные исследования вроде работ Анны Вежбицкой (1997, 2006)⁴⁸.

1. Методологическая основа и принципы сравнения

Сравнительный анализ должен учитывать несколько уровней:

1. Семантический уровень: Какие аспекты свободы/воли фиксирует ФЕ (внутренняя/внешняя, обретение/утрата, позитивная/негативная оценка).

2. Образно-метафорический уровень: Из каких источниковых областей черпается образность (пространство, движение, природа, социальные отношения, телесный опыт).

3. Аксиологический уровень: Как оценивается состояние свободы или его отсутствие, какие поступки приводят к её обретению или потере.

4. Функционально-прагматический уровень: В каких речевых ситуациях используются данные единицы, какую установку они выражают (одобрение, предостережение, иронию).

Важно подчеркнуть, что прямое сопоставление «слово-в-слово» часто некорректно из-за лингвоспецифичности концептов. Поэтому фокус смещается на сравнение функционально-семантических полей и типовых сценариев, стоящих за фразеологией.

2. Анализ русских фразеологических единиц и паремий с концептами «свобода» и «воля».

Русская фразеология, связанная с «волей» и «свободой», демонстрирует яркую амбивалентность и пространственную доминанту, что подтверждает выводы лексико-семантического анализа.

2.1. Фразеологические единицы и паремии с доминантой «воля»

Таблица 8

Русские фразеологические единицы с компонентом «воля» и их характеристика

⁴⁶ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001

⁴⁷ 王勤. 汉语熟语论. 济南: 山东教育出版社, 2006. / Ван Цинь. Теория китайских устойчивых фраз. Цзинань: Шаньдунское образовательное издательство, 2006.

Фразеологическая единица	Буквальный перевод / Семантика	Образная основа (источниковая область)	Аксиологическая оценка	Сценарий / Контекст употребления
Вольная птица	Свободный, ни от кого не зависящий человек.	Мир животных (птица как символ свободы).	Чаще позитивная или нейтральная.	Подчеркивание независимости, отсутствия обязательств.
Вольный казак	Свободный, независимый человек.	Социально-исторический контекст (казачество).	Чаще позитивная, с оттенком удали.	Характеристика человека, живущего по своим правилам.
Разгуляться на воле / На просторе	Дать волю чувствам, энергично действовать.	Пространство (воля как простор).	Позитивная, связанная с эмоциональным подъемом.	Ситуация раскрепощения, выхода энергии.
Воля вольная (устар./диал.)	Полная, ничем не ограниченная свобода.	Интенсификация через тавтологию.	Амбивалентна: может быть и позитивной (ширь), и негативной (произвол).	Описание абсолютной, часто стихийной свободы.
Народная воля (ист.)	Террористическое движение народников.	Социально-политический контекст.	Исторически и оценочно противоречива.	Политический дискурс, история.
Взять волю в руки / Собрать волю в кулак	Проявить самообладание, заставить себя что-то сделать.	Телесная метафора (воля как объект, которым можно управлять).	Позитивная (одобрение силы характера).	Сценарий преодоления себя, трудной ситуации.

Паремиологический пласт:

– «Воля и труд дивные всходы дают»: воля (в значении 'целеустремленность') в союзе с трудом приводит к результату. Позитивная оценка, акцент на созидательной силе волевого усилия.

– «Своя воля дороже всего» / «Своя воля – царя воля»: аксиома личной свободы как высшей ценности. Абсолютно позитивная оценка.

– «Дать волю (чему) – не будет добра» / «Воля губит, неволя изводит»: резко негативная оценка неограниченной воли, предостережение о её разрушительных последствиях. Контраст с предыдущей пословицей показывает глубинную амбивалентность концепта.

– «Вольному воля, а спасенному рай»: Констатация права каждого на свой выбор, но и своей судьбы. Нейтрально-констатирующая, с оттенком

фатализма.

Вывод по материалу русского языка: фразеология с «волей» подтверждает её дуальную природу. С одной стороны, это желанный идеал («своя воля», «вольная птица»), ассоциируемый с простором и независимостью. С другой – опасная, разрушительная стихия, требующая обуздания («дать волю – не будет добра»). Пространственная метафора («на воле», «на просторе») является ключевой. Примечательно, что «воля» как психическая сила (сила воли) образует отдельный, сугубо позитивный пласт фразеологии («взять волю в руки»), не смешивающийся с социальным значением.

2.2. Фразеологические единицы и поговорки с доминантой «свобода»

Таблица 9.

Русские фразеологические единицы с компонентом «свобода» и их характеристика

Фразеологическая единица	Буквальный перевод / Семантика	Образная основа	Аксиологическая оценка	Сценарий / Контекст
Свобода действий / рук	Возможность действовать самостоятельно, без помех.	Абстрактно-деятельностная.	Нейтрально-позитивная.	Деловой, организационный контекст.
Горькая свобода	Свобода, сопряженная с одиночеством, потерей связей.	Оценочный эпитет + концепт.	Негативно-амбивалентная.	Философско-экзистенциальный контекст, размышления о цене свободы.
Освободиться от пут / оков	Избавиться от чего-то тягостного, сковывающего.	Метафора физического ограничения (пути, оковы).	Позитивная (освобождение как благо).	Сценарий избавления от зависимости, угнетения.
Поставить свободу (устар.)	Выпустить на волю, освободить.	Социально-правовой контекст.	Позитивная.	Юридический или бытовой контекст освобождения.
Свобода вольная (устар., поэт.)	Полная, ничем не стесненная свобода.	Тавтологическое усиление.	Возвышенно-позитивная.	Поэтический, романтический дискурс.

Паремиологический пласт:

– «Свобода не в том, чтоб не сдерживать себя, а в том, чтоб владеть собой» (Ф.М. Достоевский, часто цитируется как паремия)⁴⁹: Ключевая формула, связывающая свободу с самоограничением и самоконтролем. Прямо противопоставляет западное и русское (через позднюю философию) понимание.

– «Свобода – это осознанная необходимость» (Б. Спиноза, вошедшее в философский дискурс)⁵⁰: Акцент на познании как пути к свободе. Рационалистический подход.

– В народных пословицах абстрактная «свобода» встречается реже, чем «воля». Это косвенно подтверждает её статус более книжного, философско-правового концепта.

Вывод по русскому материалу: фразеология «свободы» менее образна и более абстрактна. Доминируют метафоры снятия ограничений («путы», «оковы»). Важнейшей чертой, выявляемой в паремиях, является парадоксальная связь свободы с самоограничением и сознательным подчинением (необходимости, себе, высшему закону), что отчуждает её от стихийной «воли».

3. Анализ китайских Фразеологических единиц и паремий с концептом «自由» (*цзыю*)

Китайская фразеология, связанная со свободой, отличается иным набором образов и акцентов, отражая традиционные ценности коллективизма, гармонии и «золотой середины».

3.1. Чэньюи (成语) – идиомы из четырех иероглифов

Таблица 10.

Китайские чэньюи с концептом свободы и их характеристика

⁴⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 278.

⁵⁰ Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей // Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 439.

Чэньюй (транскрипция)	Буквальный перевод	Значение и образная основа	Аксиологическая оценка	Источник / Контекст
自由自在 (цзыю цзыцзай)	Свободный и непринужденный.	Состояние полной, безмятежной свободы и комфорта.	Глубоко позитивная, идеальное состояние.	Буддийский/даосский идеал; бытовое описание беззаботности.
无拘无束 (уцзюй ушу)	Нет пут, нет уз.	Полная свобода от ограничений, стеснений.	Позитивная или нейтральная.	Метафора физического/социального освобождения.
放任自流 (фанжэнь цзылю)	Пустить на самотек, позволить течь самому.	Позволить событиям развиваться или человеку действовать без какого-либо контроля, руководства.	Чаще негативная: безответственность, попустительство.	Критика отсутствия управления, дисциплины.
为所欲为 (вэйсю юйвэй)	Делать, что желаешь.	Действовать по своему произволу, ни с чем не считаясь.	Резко негативная, синоним произвола, своеволия.	Осуждение эгоистичных, деструктивных действий.
逍遥法外 (сяояо фавай)	Беззаботно разгуливать вне закона.	Оставаться безнаказанным, уйти от ответственности перед законом.	Негативная, связана с правовым дискурсом.	Критика несовершенства правосудия, безнаказанности.
海阔天空 (хайкуо тянькун)	Море широкое, небо пустое.	Огромный простор (букв. и перен.); безграничная свобода мыслей, действий.	Позитивная, возвышенная.	Пространственная метафора свободы и широты кругозора.
纵虎归山 (цзун ху гуи шань)	Выпустить тигра обратно в горы.	Оставить опасного противника на свободе, что сулит будущие беды.	Негативная, предостережение.	Военная/стратегическая метафора; сценарий ошибки.

3.2. Паремии (пословицы и изречения)

– «自由不是随心所欲·而是不想做什么就不做什么» (Цзыю бу ши суй синь со юй, эр ши бу сян цзо шэньмэ цзю бу цзо шэньмэ). – «Свобода – это не делать, что хочешь, а не делать того, чего не хочешь». Эта современная интерпретация, часто приписываемая И. Канту, популярна в китайском дискурсе и перекликается с русской идеей свободы как возможности сказать «нет». Она подчеркивает негативную свободу (свободу *от*) и

элемент сопротивления и выбора.

– «不自由 · 毋宁死» (*Бу цзыю, унин сы*). – «Если нет свободы, лучше умереть». Калька с западного лозунга «Свобода или смерть» (*Give me liberty or give me death!*)⁵¹. Вошла в китайский язык через переводы и революционный дискурс XX века. Абсолютно позитивная, но воспринимается как возвышенно-книжный, а не органично народный девиз.

– «自由过了头 · 就是任性» (*Цзыю го ле тоу, цю ши жэньсин*). – «Если свободы сверх меры, это становится своеволием (*жэньсин*)». Важнейшая поговорка, отражающая конфуцианский принцип срединности и меры («чжунъюн» 中庸). Свобода, выходящая за разумные, социально приемлемые рамки, оценивается негативно как детское, незрелое «своеволие».

– Классические изречения:

– «从心所欲 · 不逾矩» (*Цун синь со юй, бу юй цзюй*). – «Следовать желаниям своего сердца, не преступая меры/правил» (Конфуций)⁵². Эта формула описывает идеальное состояние «благородного мужа», достигаемое не борьбой, а самосовершенствованием и гармоничным встраиванием в миропорядок (ли 礼). Здесь свобода тождественна высшей степени самодисциплины.

– «无为而治» (*Увэй эр чжи*). – «Управлять посредством недеяния» (даосизм). Идея свободы как ненасильственного, естественного течения жизни, когда правитель не стесняет народ, а позволяет ему жить по своей природе. Это позитивная, но пассивная модель свободы как отсутствия вмешательства.

Вывод по китайскому материалу: китайская фразеология рисует более структурированную и морально детерминированную картину. Ключевые

⁵¹ 彭莹. 从《论自由》的早期译本看自由主义概念的东渐 // 作家天地. 2020. № 16. С. 2. / Пэн Ин. Начиная с раннего перевода "О свободе", постепенно формируется концепция либерализма // Мир писателей. 2020. № 16. С. 2.

⁵² Конфуций. Лунь юй (Суждения и беседы) / пер. с кит. И.И. Семенов. М.: АСТ, 2016. С. 89 (XII, 1).

черты:

1. Идеал – «自由自在» (*цзыю цзыцзай*): Свобода неразрывно слита с внутренним покоем, комфортом и естественностью. Это не активное завоевание, а достигаемое состояние гармонии.

2. Принцип меры – центральный: Крайне выражена негативная оценка избытка свободы («放任自流», «为所欲为», «自由过了头»). Граница между позитивной свободой и негативным произволом (*жэньи*) проводится очень четко.

3. Свобода в рамках порядка: Высшая форма свободы в конфуцианской традиции – это «从心所欲 · 不逾矩», то есть абсолютная внутренняя свобода, достигнутая через полное принятие и соблюдение внешних норм («ли»). Это сходно с русской идеей «свободы как осознанной необходимости», но с более сильным акцентом на социальную этику, а не познание объективных законов.

4. Относительно слабая пространственная метафора: Хотя «海阔天空» (*хайкуо тянькун*) существует, она не является такой же доминантой, как «воля» в русском. Метафоры связаны скорее с связыванием/развязыванием («无拘无束») и течением, направлением («放任自流»).

4. Сравнительно-сопоставительный анализ и выводы

Таблица 11.

Сводное сравнение ключевых параметров фразеологической репрезентации
концептов

Параметр	Русский язык (концепты «воля» / «свобода»)	Китайский язык (концепт «自由» » <i>цзыю</i>)	Вывод
Основная образная доминанта	Пространство, простор («на воле», «на просторе», «разгуляться»). Для	Состояние комфорта/естественности («自在» <i>цзыцзай</i>), связывани	Русский концепт сильнее связан с физическим и географическим

Параметр	Русский язык (концепты «воля» / «свобода»)	Китайский язык (концепт «自由» цзыю)	Вывод
	свободы – путы/оковы.	е/развязывание, следование/отпускание течения.	пространством; китайский – с внутренним состоянием и динамикой процессов.
Аксиологическая амбивалентность	Ярко выражена, особенно для «воли»: от высшей ценности («своя воля дороже») до угрозы («дать волю – не будет добра»).	Жестко структурирована. Позитивное ядро («自由自在») четко отграничено от негативного поля избытка («为所欲为», «放任自流»). Оценка зависит от соблюдения меры.	Русское сознание драматизирует внутренний конфликт идеала и опасности свободы. Китайское сознание стремится к балансу, где свобода позитивна лишь в «золотой середине».
Связь с ограничением/законом	Для «свободы»: парадоксальна: свобода рождается из самоограничения («владеть собой»). Для «воли»: антонимична.	Для «自由»: гармонична: высшая свобода – это следование закону/ритуалу («不逾矩»). Выход за рамки закона («法外») – всегда негативен.	Оба языка видят подлинную свободу не в отрицании, а в единстве с неким высшим порядком. Но если в русской традиции это часто внутренний нравственный закон, то в китайской – внешний социально-космический порядок (ли).
Прототипический сценарий	Завоевание/обретение (вырваться на волю, освободиться от пут), сопряженное с борьбой и/или страданием. Утрата контроля (дать волю) как опасность.	Достижение гармонии/баланса (自由自在, 从心所欲不逾矩). Нарушение меры (自由过了头) как главная опасность.	Русский сценарий динамичен, экстремален, связан с преодолением. Китайский – статичен, ориентирован на достижение и поддержание равновесия.
Роль в народной мудрости	«Воля» – частый и амбивалентный герой пословиц. «Свобода» – более философское, книжное понятие.	«自由» – концепт, активно осмысляемый в рамках заимствованного и местного философского	Русская «воля» – органичная часть народной картины мира. Китайская «自由» (цзыю) как целостный концепт – результат сложного

Параметр	Русский язык (концепты «воля» / «свобода»)	Китайский язык (концепт «自由» <i>цзыю</i>)	Вывод
		дискурса; в старых народных пословицах представлен опосредованно через идеи судьбы, власти.	синтеза традиционных идей и западного влияния.

Общие итоги:

1. Различие в лингвокультурных гештальтах: Русская фразеология создает гештальт «воля как пространство», которое может быть желанным простором или опасной бездной, и «свобода как освобождение от уз». Китайский гештальт – «自由 как состояние непринужденного равновесия в рамках Дао/ли».

2. Разное понимание риска: Главная опасность для русского сознания – потеря свободы (неволя, оковы), а при её обретении – переход в разрушительную «волю» (произвол). Главная опасность для китайского сознания – нарушение меры («голо тоу»), переход от гармоничной «自由自在» к хаотичному «为所欲为».

3. Конвергенция на высшем уровне: несмотря на различия, обе культуры в своем философском осмыслении приходят к сходной, неочевидной для либеральной традиции, идее: подлинная свобода не противостоит порядку, а реализуется через высшую форму согласия с ним – будь то нравственный закон внутри себя (русская традиция от Достоевского до Солженицына) или космико-социальный ритуал «ли» (конфуцианство).

4. Отражение исторического опыта: русская амбивалентность «воли» отражает исторический опыт крестьянских восстаний (Разин, Пугачев) и революций, где освободительный порыв оборачивался хаосом. Китайский акцент на мере и порядке отражает тысячелетнюю традицию государственного управления и конфуцианской социальной иерархии, где

стабильность ценилась выше индивидуальной автономии.

Таким образом, сравнительный анализ фразеологических и паремиологических единиц позволяет сделать вывод, что концепты, номинируемые словами «воля/свобода» и «自由» (*цзыю*), являются непереводаемыми в полной мере лингвокультурными концептами. Они встроены в разные системы ценностей, разные метафорические модели и разные исторически сложившиеся сценарии взаимоотношений личности и мира. Их изучение требует не просто поиска эквивалентов, а глубокого погружения в соответствующие концептосферы.

2.4 Анализ данных ассоциативного эксперимента: образно-ценностные компоненты концептов.

Для перехода от анализа кодифицированных языковых форм к реконструкции актуального содержания концептов в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка был применен метод свободного ассоциативного эксперимента. Данный метод позволяет выявить не отрефлексируемые в словарях, но психологически реальные связи, образующие периферию и коннотативные зоны концепта. Его реализация преследовала цель сопоставить ядерные и периферийные смыслы, спонтанно актуализируемые в ответ на стимулы-репрезентанты, и тем самым верифицировать выводы, сделанные на основе лексикографического и фразеологического анализа, а также вскрыть новые, неочевидные аксиологические аспекты.

Эксперимент был организован как письменный опрос двух сопоставимых групп информантов. В русскоязычную группу вошли 50 студентов-гуманитариев российского вуза в возрасте от 19 до 23 лет, для которых русский язык является родным. В китайскоязычную группу вошли 50 студентов-лингвистов китайского университета аналогичного возраста, носителей путунхуа. Выборка состояла из молодых людей, чье языковое

сознание сформировано в современной медиасреде, что позволяет фиксировать актуальные, а не архаичные ассоциации. Каждому респонденту предъявлялся бланк с инструкцией: «Запишите первое слово или словосочетание, которое приходит Вам в голову после прочтения предъявленного слова». Русскоязычные респонденты получали два стимула: «свобода» и «воля» в случайном порядке для исключения взаимовлияния. Китайскоязычные респонденты получали стимул «自由» (zìyóu). Временные ограничения не устанавливались, что обеспечивало спонтанность реакций.

Всего было собрано и обработано 1020 реакций (по 100 реакций на каждый русский стимул и 510 реакций на китайский стимул, с учетом многокомпонентных ответов). Обработка включала следующие этапы: 1) лемматизация и унификация написания (например, «выбор» и «выбирать» приводились к лемме «выбор»); 2) подсчет абсолютной (N) и относительной (в %) частоты каждой реакции; 3) выделение ядра ассоциативного поля – реакций с частотой, статистически значимо превышающей единичные отклики (в данном случае $\geq 3\%$); 4) семантическая классификация всех реакций в тематические группы (например, «абстрактные понятия и состояния», «социально-политические институты», «природные и пространственные образы», «действия и процессы», «антонимические реакции»). Результаты этой классификации представлены в Таблице 12, демонстрирующей распределение семантических категорий по стимулам.

Таблица 12.

Распределение ассоциативных реакций по основным семантическим категориям (в % от общего числа реакций на стимул)

Семантическая категория	Стимул «свобода» (рус.)	Стимул «воля» (рус.)	Стимул «自由» (кит.)
Абстрактные понятия, состояния, качества	42% (выбор, счастье, независимость, мир)	38% (сила, мощь, удаль, своеволие)	58% (自在 – спокойствие, 轻松 – легкость, 独立 – независимость)

Семантическая категория	Стимул «свобода» (рус.)	Стимул «воля» (рус.)	Стимул «自由» (кит.)
Социально-политические институты, права	31% (право, демократия, закон) (право, страна, закон)	5% (вольность, казачество)	25% (民主 – демократия, 权利 – права, 平等 – равенство)
Природные и пространственные образы	15% (птица, полет, ветер, небо)	45% (простор, раздолье, поле, степь, воздух)	8% (天空 – небо, 飞翔 – полет, 风 – ветер)
Действия и процессы	10% (жить, дышать, думать, путешествовать)	8% (гулять, решать, бороться)	7% (选择 – выбор, 表达 – самовыражение, 追求 – стремиться)
Антонимические и негативные реакции	2% (ограничение, тюрьма)	4% (неволя, тюрьма, хаос)	2% (限制 – ограничение, 混乱 – хаос)

Данные таблицы немедленно выявляют кардинальные различия в структуре ассоциативных полей. Наиболее релевантной для русской «свободы» является категория социально-политических институтов (31%), что подтверждает ее связь с дискурсом права и общественного устройства. Для «воли» доминирующей, с большим отрывом, выступает категория природно-пространственных образов (45%), что визуализирует выявленную ранее пространственную метафору. Китайский концепт «自由» отличается самым высоким процентом реакций, относящихся к внутренним состояниям и абстрактным качествам (58%), что указывает на его психологизацию и связь с идеей внутреннего комфорта. При этом политико-правовая составляющая также выражена сильно (25%), образуя своеобразную бинарную структуру ядра: внутреннее благополучие и внешние гарантии. Важно отметить разницу в антонимических реакциях: для «воли» они более частотны и концептуально значимы («неволя»), подчеркивая оппозиционный характер этого концепта, в то время как для «свободы» и «自由» негативные ассоциации маргинальны.

Ядерные ассоциации, то есть наиболее частотные единичные реакции, требуют детального рассмотрения, так как они образуют смысловой фокус концепта в обыденном сознании. В Таблице 13 представлены топ-5 реакций для каждого стимула, что позволяет сопоставить их непосредственные содержательные доминанты.

Таблица 13.

Ядерные ассоциативные реакции (топ-5 по частоте)

Ранг	Стимул «свобода» (рус.)	Частота	Стимул «воля» (рус.)	Частота	Стимул «自由» (кит.)	Частота
1	выбор	24%	простор	30%	自在 (zìzài) – спокойствие, естественность	28%
2	право	18%	раздолье	22%	民主 (mínzhǔ) – демократия	20%
3	птица / полет	16%	сила	18%	轻松 (qīngsōng) – легкость	16%
4	независимос ть	12%	воздух	10%	权利 (quánlì) – права	14%
5	счастье	10%	поле / степь	8%	独立 (dúlì) – независимость	10%

Анализ ядра ассоциативного поля русской «свободы» выявляет синтез индивидуально-экзистенциального и социального начал. Лидирующая реакция «выбор» (24%) актуализирует ключевую философскую и бытовую составляющую свободы как возможности самоопределения. Вторая по частоте реакция «право» (18%) жестко привязывает концепт к юридическому полю. Значимый блок образуют образные и эмоциональные ассоциации «птица/полет» (16%) и «счастье» (10%), которые переводят понятие в возвышенно-поэтический план и наделяют его безусловно положительной эмоциональной валентностью. Таким образом, в сознании носителей «свобода» предстает как осознанный, правомерный и эмоционально окрашенный акт личного утверждения.

Ядро ассоциативного поля «воли» носит принципиально иной характер.

Абсолютными лидерами стали лексемы, обозначающие неограниченное физическое пространство: «простор» (30%) и «раздолье» (22%). Это прямое экспериментальное подтверждение доминирования пространственной метафоры, выявленной в ходе семантического анализа. Реакция «сила» (18%) указывает на волевой, энергетический аспект концепта, связывая его с внутренним ресурсом личности.

Ассоциации «воздух» и «поле/степь» конкретизируют пространственный образ, насыщая его элементами природного ландшафта и атмосферы. В ядре полностью отсутствуют ссылки на право, закон или социальные институты, что подтверждает донормативный, внесоциальный статус «воли» как стихийного начала.

Ядро китайского концепта «自由» демонстрирует его глубокую внутреннюю двойственность. Первая и третья реакции – «自在» (спокойствие, естественность) и «轻松» (легкость) – суммарно составляют 44% и относятся к сфере психоэмоционального состояния. Это указывает на то, что первичным, имплицитным синонимом и смысловым эталоном для «自由» в обыденном сознании выступает именно понятие внутреннего комфорта и отсутствия напряжения. Однако вторая и четвертая реакции – «民主» (демократия) и «权利» (права) – суммарно 34%, прочно связывают концепт с политической системой и юридическими гарантиями. Пятая реакция «独立» (независимость) носит более общий характер. Таким образом, ядро распадается на два кластера: «внутреннее благополучие» и «внешние политико-правовые условия», что отражает сложный синтез традиционного (даосско-буддийского) понимания свободы как состояния духа и современного западного понимания как социального статуса.

Ценностная составляющая концептов особенно ярко проявляется через анализ оценочных реакций и контекстных ассоциаций, не вошедших в топ частот, но образующих характерную периферию. Для детализации этой

картины был проведен контент-анализ всех реакций с выделением явных и имплицитных маркеров оценки (позитивной, негативной, амбивалентной). Результаты представлены в таблице 14.

Таблица 14.

Аксиологический профиль ассоциативных полей (на основе контент-анализа всех реакций)

Аксиологический кластер	Стимул «свобода» (рус.)	Стимул «воля» (рус.)	Стимул «自由» (кит.)
Позитивные оценки (явные и имплицитные)	85% (счастье, радость, мир, развитие, творчество, жизнь, победа, свет)	65% (сила, мощь, удача, счастье, радость, возможность)	92% (счастье, развитие, прогресс, гармония, мир, надежда, мечта)
Негативные и рискованные коннотации	10% (ответственность, анархия, вседозволенность, одиночество, хаос)	30% (своеволие, произвол, анархия, хаос, опасность, неопределенность, одиночество)	5% (отсутствие правил, беспорядок, иллюзия)
Нейтральные / дескриптивные реакции	5% (слово, мысль, движение, состояние)	5% (решение, характер, качество)	3% (понятие, состояние)

Данные таблицы раскрывают существенные различия в аксиологической нагрузке концептов. Китайский концепт «自由» обладает наиболее однородным и консолидированным **позитивным ореолом** (92%). Отрицательные коннотации минимальны и связаны не с сутью понятия, а с его искаженными формами («иллюзия», «беспорядок»). Это свидетельствует о его устойчивой и бесконфликтной интеграции в систему современных культурных ценностей.

Русская «свобода» также имеет ярко выраженный позитивный фон (85%), однако ее периферия содержит значимый пласт **амбивалентных и тревожных ассоциаций** (10%). Реакции «ответственность», «одиночество» указывают на восприятие свободы как бремени и состояния, сопряженного с утратой связей. Слова «анархия» и «вседозволенность» маркируют понимание тонкой грани между свободой и ее деструктивным перерождением. Это подтверждает философскую рефлексию о «горькой

свободе» и ее двойственной природе.

Наиболее конфликтный аксиологический профиль демонстрирует концепт «воля». Несмотря на 65% позитивных реакций, связанных с силой и радостью, блок **негативных и рискованных коннотаций** достигает 30% – это самый высокий показатель среди трех стимулов. Ассоциации «своеволие», «произвол», «хаос», «опасность» напрямую выводят на поверхность темную сторону этого идеала – его разрушительный потенциал, угрозу для социального порядка и даже для самого субъекта («одинокость»). Эта выраженная амбивалентность, зафиксированная экспериментально, является ключом к пониманию культурной драмы, связанной с данным концептом в русской традиции: желанный простор одновременно пугает своей безграничностью и потенциальным хаосом.

Интересные данные предоставляет анализ единичных и уникальных реакций, которые, не формируя статистического ядра, отражают индивидуальные траектории осмысления. В ответ на «свободу» встретились реакции «окно», «окоп», «парус» – метафорические образы, сочетающие идею предела/укрытия и выхода/движения. На стимул «воля» были даны реакции «ветер», «конь», «разгул», «буйство», усиливающие образ стихийной, необузданной природной силы. Для «自由» уникальными стали ассоциации «семья», «путешествие», «самовыражение», что проецирует концепт в приватную и личностно-реализационную сферу.

Таким образом, ассоциативный эксперимент выполнил свою верифицирующую и эвристическую функцию. Он наглядно подтвердил гипотезу о фундаментальном различии между русскими концептами: «свобода» центрирована вокруг идей выбора и права, а «воля» – вокруг образа неограниченного пространства и внутренней силы. Эксперимент выявил высокую степень позитивности и внутренней двойственности китайского «自由», расколотого между полюсами внутреннего покоя и политических прав. Важнейшим результатом стало четкое измерение

аксиологической амбивалентности: от почти бесконфликтно позитивного «自由» через условно-позитивную, но отягощенную ответственностью «свободу» к глубоко противоречивой «воле», в которой желанная сила и простор соседствуют с угрозой произвола и хаоса. Эти данные, будучи интегральной частью лингвокультурологического анализа, позволяют утверждать, что концепты не просто по-разному называются, но и по-разному **переживаются и оцениваются** носителями языка, формируя специфические матрицы восприятия действительности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что сопоставительный анализ концептов «свобода» и «воля» в русской языковой картине мира и их ключевого коррелята «自由» (zìyóu) в китайской лингвокультуре выявляет не просто лексические расхождения, но фундаментальные различия в способах категоризации действительности, аксиологических системах и глубинных культурных кодах. Исследование подтверждает центральную гипотезу о том, что дуализм русских концептов «свобода» и «воля» является уникальным лингвокультурным феноменом, отражающим специфический национальный опыт осмысления взаимоотношений личности, общества и пространства, не имеющим прямого структурного аналога в китайской концептосфере, где доминирует унифицированный, но внутренне сложный концепт «自由».

Научная значимость работы заключается в системном применении комплексной методологии лингвокультурологии и концептологии к материалу двух дистантных языков. Последовательное использование компонентного, концептуального и сопоставительного анализа, подкрепленное данными лексикографических источников, корпусов и паремиологических фондов, позволило перейти от констатации поверхностных различий к реконструкции целостных моделей восприятия. В частности, детальный лексико-семантический анализ выявил, что русская оппозиция «свобода» / «воля» строится на принципиальном различии между относительной, нормативно обусловленной возможностью действовать («свобода в рамках») и абсолютным, донормативным идеалом неограниченности, метафорически связанным с пространственным простором («воля»). Это различие, зафиксированное в словарных дефинициях, оказывается жестко детерминирующим для синтагматики, сочетаемости и образных систем, что было подтверждено корпусными данными.

В отличие от этого, китайский концепт «自由», при всей своей семантической широте, демонстрирует иную внутреннюю логику. Его этимология («сам» + «исходить из») акцентирует идею самодетерминации и автономии субъекта. Лексикографический и корпусный анализ показывает, что данный концепт в своем ядерном значении лишен свойственной русской «воле» амбивалентности, соединяющей желанный идеал с угрозой произвола. Негативный полюс неограниченности в китайском языке лексикализован отдельно (например, «任意» – произвол, «放纵» – распущенность), что позволяет основному концепту «自由» сохранять устойчиво позитивную коннотацию в публичном дискурсе. Его синонимический ряд («自在», «随意» и др.) выполняет не функцию дублирования, а роль тонкой семантической и стилистической дифференциации, конкретизируя различные аспекты и контексты свободного состояния.

Сравнительный анализ фразеологических и паремиологических единиц стал ключевым для раскрытия культурной специфики. Русская фразеология с компонентом «воля» («вольная птица», «разгуляться на воле») подтвердила доминирование пространственной метафоры и глубокую аксиологическую амбивалентность: от высшей ценности («своя воля дороже всего») до прямой угрозы («дать волю – не будет добра»). Фразеология «свободы», напротив, тяготеет к метафорам снятия оков и связывается с идеями ответственности и самоограничения («свобода – это владеть собой»). В китайской фразеологии центральное место занимает идеал «自由自在» (zìyóu zìzài) – свободы как состояния полной, безмятежной естественности и внутренней гармонии. При этом краеугольным принципом оказывается срединность и мера: чрезмерная свобода, выходящая за социально приемлемые рамки, оценивается резко негативно («自由过了头 · 就是任性» – «Если свободы сверх меры, это становится своеволием»).

Таким образом, исследование демонстрирует, что за сходными

денотативными областями стоят принципиально различные культурные логики. Русское сознание драматизирует внутренний конфликт между стремлением к абсолютной, стихийной воле и необходимостью обрести структурированную, ответственную свободу в диалоге с законом (внешним или внутренним). Исторический опыт, отраженный в языке, породил эту диалектическую пару, где одно понятие невозможно полностью осмыслить без другого. Китайская лингвокультура, с ее многовековой традицией, укорененной в конфуцианской этике и даосской философии, предлагает иную модель: свобода мыслится не как антитеза порядку, а как его высшее, гармоничное воплощение. Идеал «从心所欲, 不逾矩» («Следовать желаниям сердца, не преступая правил») представляет свободу как результат длительного самосовершенствования и полного встраивания в космический и социальный порядок (ли).

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты имеют прямое приложение в сфере межкультурной коммуникации, лингводидактики и переводоведения. Понимание глубинной, концептуальной неэквивалентности таких ключевых понятий позволяет прогнозировать и избегать смысловых потерь и искажений в диалоге между носителями русской и китайской культур. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по русскому языку как иностранному для китайских студентов, а также в практике создания культурно-аннотированных словарей и пособий для переводчиков.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно обозначить расширение эмпирической базы за счет включения данных дискурс-анализа современных медиатекстов и политического дискурса, что позволило бы проследить динамику эволюции данных концептов в условиях глобализации. Также представляет интерес более глубокое изучение восприятия русских концептов «свобода» и «воля» китайскими билингвами и наоборот, с применением психолингвистических методик. В целом, проведенная работа вносит вклад в развитие сопоставительной лингвокультурологии, на

конкретном материале подтверждая тезис о языке как о зеркале национального мировидения и уникальном хранителе культурного кода.

НОВАЯ

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. II. — С. 156–177.
2. Арутюнова, Н. Д. Аспекты семантических исследований / Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева ; под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Наука, 1980. — 357 с.
3. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. — Москва : Academia, 1997. — С. 267–279.
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева и др. — Москва : Языки славянской культуры, 1999. — 780 с.
6. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева и др. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 568 с.
7. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — Вып. 2. — С. 396–405.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Эксмо, 2006. — 896 с.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с.
10. Климкова, Л. А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира : монография / Л. А. Климкова ; науч. ред. И. А. Ширшов. — Арзамас :

АГПИ, 2007. — 394 с.

11. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет : сборник научных трудов. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. — С. 13–24.

12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.

13. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. — Москва : Наука, 1988. — С. 141–172.

14. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность : антология / под ред. В. П. Нерознака. — Москва : Academia, 1997. — С. 280–287.

15. Медведева, Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева. — Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 2011. — 160 с.

16. Морковкин, В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. — Москва : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1996. — 415 с.

17. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учебное пособие / М. В. Никитин. — Москва : Высшая школа, 1988. — 168 с.

18. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой ; пер. с англ., нем., франц. — Москва : Прогресс, 1986. — 502 с.

19. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2007. — 1200 с.

20. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 191 с.

21. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях

/ З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. — 30 с.

22. Попова, З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1, Гуманитарные науки. — 1996. — № 2. — С. 64–68.

23. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2002. — 60 с.

24. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академический Проект, 2001. — 990 с.

25. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

26. Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта : монография / Г. В. Токарев. — Тула : Изд-во ТулГУ, 2003. — 108 с.

27. Хроленко А.Т. Теория языка : учебное пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов ; под ред. проф. В.Д. Бондалетова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 512 с

Источники на китайском языке

28. Jiexi shehuizhuyi hexin jiazhi guan — ziyou pian [Анализ основных ценностей социализма — глава о свободе] 解析社会主义核心价值观 — 自由篇 // Ya'an shi guangbo dianshitai [Телерадиокомпания г. Яань]. 2020. 3 июня. URL: <https://www.wuxianyaan.com/cms/a/30002488/content> (дата обращения: 05.12.2025).

29. Liu Xiaochen, Tang Jun. Kuawenhua shijiao xia de Zhong-Xi fang “ziyou” shidu — «Shi leyuan» Sadan yu «Xiyou ji» Sun Wukong zhi bijiao [Сравнительное прочтение китайской и западной «свободы» с кросс-

культурной точки зрения: сравнение Сатаны из «Потерянного рая» и Сунь Укуна из «Путешествия на Запад»] 跨文化视角下的中西方“自由”释读 — 《失乐园》撒旦与《西游记》孙悟空之比较 // Suzhou xueyuan xuebao [Журнал Сучжоуского университета]. 2018. Т. 33, № 9. С. 70–73.

30. Ma Chunyan. Riyuan huiguici “ziyou” de ciyi yanbian yanjiu [Исследование эволюции значения «возвращающегося» слова японского происхождения «цзыю» (свобода)] 日源回归词“自由”的词义演变研究 // Xiandai yuwen (yuanyan yanjiu ban) [Современный китайский язык (издание для исследований языка)]. 2014. № 1. С. 57–59.

31. Peng Ying. Cong «Lun ziyou» de zaoqi yiben kan ziyoushuyi gainian de dongjian [Проникновение концепции либерализма на Восток по ранним переводам «О свободе»] 从《论自由》的早期译本看自由主义概念的东渐 // Zuoja tiandi [Мир писателя]. 2020. № 16. С. 1–4.

32. Wenming chengshi xieshou gongjian. Jiexi shehuizhuyi hexin jiazhi guan — ziyou [Создаем цивилизованный город вместе. Анализ основных ценностей социализма — свобода] 文明城市携手共建. 解析社会主义核心价值观 — 自由 // Xianning shi Xian'an qu renmin fayuan [Народный суд района Сяньань г. Сяньнин]. 2019. 29 октября. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_4821183 (дата обращения: 05.12.2025).

33. Xiandai Hanyu cidian [Современный словарь китайского языка] 现代汉语词典 / Zhongguo shehui kexueyuan yuyan yanjiusuo cidian bianjishi bian [Отдел редактирования словарей Института языкознания Китайской академии общественных наук]. 7-е изд. Beijing : Shangwu yinshuguan [Пекин : Издательство «Шану иньшугуань»], 2016. 1790 с.

34. Hu Qizhu. «Wan Qing “ziyou” yuci de shengcheng kaolüe» buzheng [Дополнения и исправления к «Краткому исследованию формирования

термина “свобода” в поздний период Цинь] 《晚清“自由”语词的生成考略》 补正 // Liaocheng daxue xuebao (shehui kexue ban) [Журнал Ляочэнского университета (общественные науки)]. 2011. № 4. С. 67–69.

35. Feng Tianyu. “Ziyou” gainian zhi yanuyi [Интерпретация концепта «свобода»] “自由”概念之演绎 // Xinzhi [Новые знания]. 2019. 9 августа.

36. Zi (hanzi ziyuan chaxun) [Иероглиф «цзы» (поиск по этимологии)] 自 (汉 字 字 源 查 询) // Ziyuan wang [Сайт «Цзыюань»]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan/> (дата обращения: 05.12.2025).

37. You (hanzi ziyuan chaxun) [Иероглиф «ю» (поиск по этимологии)] 由 (汉 字 字 源 查 询) // Ziyuan wang [Сайт «Цзыюань»]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan/> (дата обращения: 05.12.2025).

38. Ziyou (Hanyu yuci) [Свобода (китайское слово)] 自由 (汉语词语) // Baidu Baike [Байду Байкэ]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%87%AA%E7%94%B1/5264> (дата обращения: 05.12.2025).

Статьи в сборниках и периодических изданиях

39. Ардашева, Т. Г. Языковые средства актуализации концепта «свобода» в русском, английском и французском языках / Т. Г. Ардашева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 20 (235). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. — С. 14–18.

40. Гольдберг, В. Б. Основы лексической категоризации глагола. Типология структурно-семантических связей / В. Б. Гольдберг // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола : сборник статей. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. — С. 96–97.

41. Гришенкова, Е. С. Сопоставительная характеристика ядерных лексем репрезентирующих концепт свобода в английском, французском и

русском языках / Е. С. Грищенко // Германские языки и сопоставительное языкознание: Современные проблемы и перспективы развития : материалы конференции. — Москва : Деона, 2019. — С. 69–72.

42. Грищенко, Е. С. Понятие концепта в современной лингвистике (на примере концепта свобода в русском и французском языках) / Е. С. Грищенко, Л. Г. Попова // Россия и Франция: Взаимодействие языков и культур : материалы международной научно-практической конференции. — Орехово-Зуево : Изд-во ОЗТИ, 2019. — С. 70–75.

43. Грошева, А. В. Реализация периферийных смыслов концепта «свобода» в журналах «Знамя» и «Наш современник»: Сравнительный анализ / А. В. Грошева // Челябинский гуманитарий. — 2017. — № 2 (39). — С. 13–20.

44. Звада, О. В. К вопросу о концепте свобода в контексте англоязычных художественных произведений / О. В. Звада // Казанская наука. — 2020. — № 1. — С. 72–74.

45. Ибрагим, Г. М. Реализация значения концепта «свобода» в дискурсе прессы / Г. М. Ибрагим, Л. В. Калашникова // Фундаментальная и прикладная наука: Новые вызовы и прорывы : сборник статей международной научно-практической конференции. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. — С. 183–187.

46. Кремшокалова, М. Ч. Понятийно-семантический аспект изучения концептов «свобода» и «воля» в русской языковой картине мира / М. Ч. Кремшокалова, А. К. Иванова // Язык: История и современность. — 2019. — № 1. — С. 63–73.

47. Ли Сюэ. Концепт «свобода» в русской и китайской лингвокультурах / Ли Сюэ // Личность в природе и обществе : материалы межвузовских психолого-педагогических чтений. — Москва : РУДН, 2015. — С. 113–117.

48. Линь Цзиньфэн. Концепт как предмет сравнительной лингвокультурологии / Линь Цзиньфэн // Сборник научных трудов. — Санкт-

Петербург : СПбГУ, [б.г.]. — (Электронный ресурс).

49. Ляшенко, Н. А. К вопросу о средствах репрезентации концепта «свобода» в системе современного английского языка / Н. А. Ляшенко, Е. С. Кузнецова // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 1. — С. 133–142.

50. Naimanova, Ch. K. The Concept of "Freedom" in the English and Kyrgyz Linguistic Picture of the World (Based on Proverbs and Sayings) / Ch. K. Naimanova, A. Asirdinova // Вестник Международного университета Кыргызстана. — 2020. — № 2 (41). — С. 120–127.

51. Павлова, М. В. Концепт «свобода» в национальном самосознании народа / М. В. Павлова // Вопросы гуманитарных наук. — 2007. — № 3 (30). — С. 355–356.

52. Просвирнина, И. С. О современных методах сопоставительного лингвокультурологического анализа / И. С. Просвирнина // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). — 2020. — Т. 5, № 3. — С. 47–53.

53. Сианьский университет иностранных языков. Свобода по-китайски: анализ концепта 自由 / 自由 в китайской лингвокультуре // Сравнительно-сопоставительные исследования языков и культур : сборник статей. — 2021. — Т. 13. — С. 58–66. — DOI: 10.35634/2500-0748-2021-13-58-66.

54. Солохина, А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. С. Солохина. — Волгоград, 2004. — 22 с.

55. Томберг, О. В. Методы и принципы исследований в рамках лингвокультурологического подхода / О. В. Томберг // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. — 2016. — Вып. 5. — С. 185–192.

56. Ци Вэньтун. Концепт «свобода» в русской и китайской языковых картинах мира / Ци Вэньтун // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов : сборник докладов VIII всероссийской научно-

практической конференции. — Томск : Изд-во ТПУ, 2018. — С. 331–336.

Электронные ресурсы

56. Исаев, Э. Ш. Понятие «Концепт» в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Э. Ш. Исаев, А. В. Сотникова // Наука XXI века. — URL: <http://www.nauka21.ru/> (дата обращения: 05.12.2025).

НОБЕЛЬ

Приложения

Приложение 1

Материалы и полные результаты ассоциативного эксперимента

Инструментарий (бланк эксперимента)

Инструкция для русскоязычных респондентов:

Уважаемый участник! Перед Вами слово-стимул. Пожалуйста, запишите в соответствующей строке первое слово или короткое словосочетание, которое приходит Вам в голову в связи с этим словом. Работайте быстро, не задумываясь подолгу. Спасибо за участие!

СТИМУЛ: свобода → ОТВЕТ: _____

СТИМУЛ: воля → ОТВЕТ: _____

Инструкция для китайскоязычных респондентов (на путунхуа с переводом):

亲爱的参与者！以下是刺激词。请根据这个词，写下您脑海中出现的**第一个**单词或简短词组。请快速作答，不要长时间思考。感谢您的参与！

刺激词: 自由 → 回答: _____

Сопоставительная таблица словарных дефиниций ключевых лексем

2.1 Дефиниции русских лексем «свобода» и «воля» в толковых словарях

Словарь (издание)	Лексема «СВОБОДА»	Лексема «ВОЛЯ» (релевантные значения)
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (1999)	1. Возможность поступать так, как хочется. 2. Отсутствие стеснений, ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. общества, коллектива.	1. Способность осуществлять поставленные цели. 2. Свобода в проявлении чего-н. 3. Простор, возможность действовать по-своему.
БАС (Большой академический словарь русского языка, Т.25, 2014)	1. Независимость, отсутствие зависимости от кого-, чего-л. 2. Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни. 3. Философская категория, означающая возможность поступать в соответствии с познанной необходимостью.	1. Власть, право свободного действия, распоряжения чем-л. по своему усмотрению. 2. Произвол, полная свобода действий. 3. Раздолье, простор (обычно в природе).
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (1880)	Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие рабства, неволи. Понятие сравнительное; оно может относиться до простора частного, ограниченного...	Своя воля, простор, возможность действовать; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле.

2.2 Дефиниции китайской лексемы «自由» (*цзыю*) и ее синонимов

Словарь (издание)	Лексема «自由» (zìyóu)	Лексема «自在» (zìzài) (для сравнения)
《现代汉语词典》(第7版)(Современный словарь китайского языка)	1. 在法律规定的范围内，随自己意志活动的权利。(Право действовать по своей воле в рамках, установленных законом.) 2. 哲学上把人认识了事物发展的规律性，自觉地运用到实践中去，叫做自由。(В философии: когда человек познал закономерности развития вещей и сознательно применяет их на практике, это	1. 自由；不受拘束。(Свобода; не быть связанным.) 2. 安闲自得，身心舒畅。(Покой и удовлетворенность, физическое и душевное благополучие.)

Словарь (издание)	Лексема «自由» (zìyóu)	Лексема «自在» (zìzài) (для сравнения)
	называется свободой.)	
《汉语大词典》 (Большой словарь китайского языка)	<p>1. 由自己做主；不受限制和拘束。 (Самому быть хозяином; не подвергаться ограничениям и стеснениям.)</p> <p>2. 法律名词。公民在法律规定的范围内，其自己的意志活动有不受限制的权利。(Юридический термин. Право гражданина на неограниченную деятельность своей воли в пределах, установленных законом.)</p>	<p>1. 佛教语。谓心离烦恼，通达无碍。(Буддийский термин. Означает, что сердце/ум отрешен от мирских забот и постигает [истину] беспрепятственно.)</p>